

103

Рождение

В СЕКЦИИ было шумно. Игра в домино сопровождалась сильным стуком, кто-то, лежа прямо в одежде на койке, негромко бренчал на гитаре, а в углу, у печи, чаевничала группа производственников. Оттуда то и дело доносились плоские остроты и взрывы громкого смеха. Никто и не заметил, как открылась дверь и на пороге молча остановился незнакомый строителям человек. Оглядевшись, он решительно шагнул вглубь общежития и громко сказал:

— Здравствуйте!

— Будь здоров! — нестройно ответили ему. — По какому делу? Бригадиром что ли будешь?

— Да, вот назначили к вам, будем работать вместе. Как у вас жизнь?

— Как видишь!

— Плохо, по-моему!

Кто-то насмешливо бросил:

— Бывает и хуже, разве не видал?

...Так состоялось знакомство вновь назначенного бригадира Виктора Георгиевича Дерибко с коллективом бригады. И хотя неласковая встреча в один миг развеяла те радужные мечты, с которыми шел в бригаду Дерибко, он не потерял уверенности в себя, в людей, с которыми теперь ему предстояло жить и работать. Он только понял, что работать придется не так, как раньше, что простым напором и силой тут не возьмешь.

Утром, когда раздался сигнал подъема, в секции бригады лениво зашевелились. Внимательно следя за производственниками, Дерибко быстро встал, аккуратно заправил свою койку. Тут же он с неудовольствием заметил, что большинство других коеч остались неубранными, хотя хозяева их уже успели помыться и уйти в столовую. «Что ж, начнем с порядка», — подумал бригадир и одну за другой заправил две соседние койки. Но едва он подошел к тре-

тьей, как невысокого роста, черноволосый паренек молча отстранил протянутые руки и, не глядя на бригадира, сам принялся наводить порядок.

Дерибко огляделся. Несколько человек, смущенно улыбаясь, старательно прибрали свои постели. «Не так уж и плохо», — отметил про себя бригадир и, дождавшись остальных, пошел в столовую.

На отведенный участок работы в Плотинном районе бригада явилась в полном составе. Но здесь прямо на глазах она стала быстро гасить, а когда Дерибко получил наряд и вышел из прорабской, его ожидало не более двадцати человек. Пятьдесят человек, более половины состава бригады, не спросившись ушли «по своим делам». Дерибко помрачнел, однако быстро справился с охватившим его недоверием и, как будто ничего не случилось, нарочито громко сказал:

— За работу, друзья!

Через несколько минут на отведенном участке уже быстро мелькали в воздухе лопаты и ослепительно блестели глыбы откинутого в сторону снега. В общем ряду размеренно бросал снег и бригадир. Вскоре он заметил, как из-за стены соседнего блока торопливо выскочил один человек и, пристроившись с краю, стал с таким независимым и спокойным видом работать, как будто он был тут с самого начала и уже успел вдоволь намахаться тяжелым инструментом. Следом за ним из-за угла выскочил еще, еще и еще один строитель. Робко оглянувшись на бригадира, они быстро вставали в ряд. К обеду в бригаде недосчитывалось лишь несколько человек.

Всю обратную дорогу домой Дерибко молчал. Сосредоточенно думая, он старался понять, почему без окрика, без ругани ушедшие утром из бригады строители к обеду сами вернулись на работу, почему никто из бригадников не бросил лопаты, не зашабашил на виду у всех, хотя как его предупреждали при назначении, такие вещи частенько случались в этой бригаде. И вдруг он понял: все дело в том, что он сам работал наряду со всеми, он сам, не зная и не думая о том, показал хороший личный пример! По нему равнялись, с него брали пример! В одно мгновение вспомнились и едкие ухмылочки в его адрес в начале работы, и эти заманчивые, но полные коварства предложения бригадиру «отдохнуть немного».

Так значит его испытывали? И когда увидели, что бригадир не из тех, кто привык только «командовать», уступили и стали работать? От этой мысли Дерибко сразу повеселел. Что ж, пусть будет так!

Так стала складываться новая, качественно, совершенно отличная от прежней, бригада. За первым шагом сближения вскоре последовал и второй. Как-то, приля с работы, производственники с

удовольствием заметили, что помещение прибрano с особой тщательностью, полы, тумбочки, кровати начинены буквально до блеска. Словно оправдываясь, подошедший дневальный робко сказал:

— Вот еще занавесочки достать, да стены побелить бы...

Такого момента нельзя было упускать. Еще не зная поддержат его или нет, бригадир сразу обратился к производственникам:

— Товарищи, давайте сообща купим материал на занавески, а?

— Можно, — откликнулись многие. — Да и стены уж заодно сами побелим!

Дерибко жестом попросил всех подойти поближе.

— Вот что, друзья, — начал он. — Времени прошло достаточно, мы успели познакомиться. Давайте теперь говорить начистоту. Почему не все работают в бригаде? Почему некоторые ходят на производство, словно на экскурсию? Вы видите что бригада может быть хорошим коллективом, успешно соревноваться с передовыми бригадами подразделения. Надо только сильно захотеть этого. Я предлагаю: на работу выходить всем без исключения, за порядком в общежитии следить каждому, а для ведения культурно-массовой работы избрать культуроганизатором нашего члена бригады Бесжигового. Возражения есть?

— Согласны, бригадир! Только давай подумай и о другом: все бригады работают на настоящей работе, а мы что? Ведь так и зовут дворниками. Обидно!

Дерибко улыбнулся.

— Обидно говоришь? А чем мы заслужили, чтобы нас поставили к настоящему делу? Доверие руководства надо заслужить, а не вынуждать!

...29 февраля по участку пролетела тревожная весть: пробита перемычка, ограждающая береговой устой девятнадцатой секции, вода заливает блок опережения! Вместе с другими на ликвидацию аварии была направлена и бригада Дерибко.

Один за другим по скользким прутьям арматуры производственники спустились в блок. Здесь на глубине 30 метров, было тесно, темно. Проникающая вода образовала толстый ледяной нарост. Но медлить было нельзя и строители самоотверженно вступили в борьбу со льдом. Долгие часы провели члены бригады в блоке, ломиками и кирками выкалывая ледяные глыбы, на веревках подавая вверх ледяную крошку. Смены в тот день не было — производственники решительно отказались выходить из блока пока не закончат работу.

Прошла смена и лишь к концу второй стало видно, что производственники победили стихию. На исходе суток из блока был вынут последний кубометр льда и промокшие, усталые строители поднялись на поверхность.

А вечером, когда бригада прошла ворота своего подразделе-

ния, навстречу ей раздались могучие звуки торжественного марша. Коллектив с почестями встречал победителей. Идя по аллее впереди бригады, Дерибко видел, как посировели и стали серьезными лица строителей. Они шли как победители, которые не только завоевали победу, но и хотят удержать ее навсегда.

Этот день с тех пор стали называть в бригаде днем ее рождения. На очистку снега строителей уже не посыпали. Руководители района стали доверять членам бригады самые ответственные работы в районе сооружения водосливной плотины.

Подготовка к затоплению котлована совпала с празднованием Первомая. Как и все, бригада Дерибко активно участвовала в предмайском соревновании и даже добилась в нем отличного результата: 403 процента выполнения производственного плана — таков был результат предмайского социалистического соревнования в бригаде. По итогам члены бригады заняли одно из лучших мест и завоевали переходящий Красный вымпел подразделения.

Когда через открытые затворы плотины речная вода хлынула неудержимым потоком, Дерибко не удержался и крикнул стоящему рядом культоргу:

— Наша взяла! Все-таки мы ее побороли!

Трудовой подвиг

ЭТОТ ДЕНЬ на участке третьей турбины был особенно оживленным. Начальник района вместе с прорабами и начальником участка пробрались в спиральную камеру.

— Ну, что тут у вас получается? — оглядывая помещение камеры, спросил начальник района.

— К решетке спиральной камеры невозможно подобраться, товарищ начальник, — пояснил главный механик Семонюк, — надо специальные помосты внутри камеры подстраивать на высоту, примерно, 12 метров, а как материал туда доставить, ежели она почти герметически закрыта?

— Никто не хочет рисковать, — добавил старший прораб Миркин. — Бригадиров вызывал, давал задание... Не выполнили, отказались... Главная вся трудность в том, как подобраться к решетке, к потолку в камере.

— Опалубка с решетки должна быть снята! Вызывайте пожарных! — приказал начальник.

— Вызывали, — сокрушенно протянул прораб.

— Ну и что же?

— Отказались...

— Никаких «но» я не хочу знать... Продумайте и доложите мне, но чтобы опалубка была снята. Действуйте!

* * *

Бригада Брунцева из подразделения Ботова заступила на работу в ночную смену. Получив очередное производственное задание на бригаду, бригадир приступил к расстановке рабочей силы по местам, когда его неожиданно вызвал к себе старший прораб.

— Вот, — сказал прораб, когда они вдвоем заглянули в спиральную камеру третьего агрегата, — ответственное и очень трудное задание. Надо опалубку снять с решетки.

Брунцев цепким и быстрым взглядом прикинул расстояние до решетки, задумчиво покачал головой.

— Трудновато будет... Надо обмозговать, — пробормотал он.

Старший прораб оживился. Он ожидал отказа, но его не последовало. Это был первый бригадир, который подошел с другой меркой к этому сложному заданию.

— Совершенно верно, — подхватил он торопливо. — Надо обмозговать: задание выполнить — денежную награду выдадим... Решение начальника района,

— Дело не в премии, — поморщился Брунцев. — Надо сделать, понимаете, надо! — уже совсем твердо и решительно повторил он.

Александр Брунцев еще раз внимательно оглядел спиральную камеру, решетку с опалубкой на потолке и вдруг коротко сказал:

— Хорошо, я принимаю это задание...

— Как же вы хотите это сделать? — с нескрываемым любопытством спросил прораб.

— А вот посмотрите сюда, — заметил Александр, указывая на трубу, расположенную от решетки на расстоянии семи метров.

— Причем же тут труба? — недоумевающе развел руками прораб.

— Эта труба — решение нашей задачи, — не скрывая улыбки, проговорил Брунцев.

И то, что казалось невозможным в глазах других, для Александра Брунцева стало возможным и выполнимым. Он принял очень смелое решение для осуществления исключительно трудного задания и без колебаний приступил к делу.

Первым делом он распорядился, чтобы к трубе, выходящей наружу, был подведен башенный кран на верхнем бьефе. Оттуда был спущен так через отверстие трубы в спиральную камеру. На так была подцеплена маленькая бадья. Другой конец троса был привязан к крылу турбины. С помощью блоков Брунцев решил на оттяжке подтянуть бадью к потолку камеры над решеткой. Эта операция требовала исключительной осторожности, выдержки и самообладания, так как малейшая неосторожность при натяжке и рывке могла разорвать туго натянутый трос, и бадью со смельчаком с высоты двенадцати метров могла удариться о затвор.

— Кто же согласится сесть в эту бадью? — спросил опять недоверчиво старший прораб.

— В бадью сяду я, — решительно заявил Александр. — Но мне нужен помощник, который будет корректировать крановщика, а потом поднимется мне на смену.

Брунцев внимательно оглядел производственников бригады.

— Ну, орлы, кто будет моим помощником? Кто смелый, выходит!

Производственники нерешительно переминались на месте, с сомнением поглядывая на бадью и блоки.

— То-то и дело, что риск, — вздохнул кто-то...

— Известно, не к теще..., — начал было Брунцев, но в это время из группы производственников выдвинулся плотный приземистый паренек — Анатолий Молейко.

— Давай, буду твоим помощником, — хмуро уронил он.

— Ну то-то же, — удовлетворенно кивнул головой Брунцев, садясь в бадью, — я знал, что ты не откажешься, Молейко... Давай корректируй!

Молейко уверенно шагнул к трубе и крикнул густым голосом в отверстие трубы:

— Эй, давай вира!

Трос, изгибаясь и потрескивая, вытягивался. Бадья медленно отделилась от пола.

— Тяни, тяни, да гляди осторожно! — кричал в трубу Молейко, весь напряженный, словно из него самого вытягивали жилы.

Бадья, вздрогнув, ползла вверху, медленно оттягиваясь к решетке. Трос натягивался, как струна. Брунцев сидел в бадье спокойно, только брови у него были сдвинуты на переносице от напряженного ожидания.

— Выдержит трос или не выдержит? Обязательно выдержит, — думал Александр.

Все, затаив дыхание, следили, как трос на блоках медленно, очень медленно подтягивал бадью со смельчаком в сторону решетки. Летели секунды. Вдруг послышался треск. Старший прораб закрыл лицо руками, но вдруг услышал спокойный голос Брунцева:

— Давай еще вира!.. Давай, Толик!

Лопнул один виток троса. Еще рывок, еще, и бадья повисла прямо над решеткой на высоте 12-ти метров. Александр пристал в бадье и осторожно приступил к работе. Это был кропотливый, напряженный труд. Брунцеву пришлось в неудобном положении крючьями отдирать доски опалубки, вбетонированные в проволоку.

Обливаясь потом, все время стоя в бадье, Александр на высоте 12-ти метров над потолком напряженно работал больше двух часов, как акробат на трапеции, выполнивший сложный номер под куполом цирка.

Часы медленно отбивали время. Вздох облегчения вырвался из груди стоявших внизу людей, когда обнажилась в решетке проволока с кольцом. Половина работы была выполнена.

Обессиленного Брунцева осторожно опустили вниз. Пошатываясь, он вышел из бадьи, вытирая платком влажный лоб.

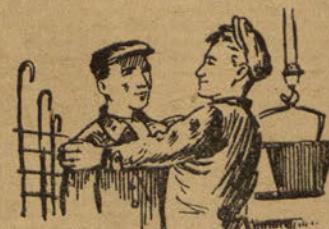
Теперь наступила очередь довершить незаконченную работу Анатолию Молейко. Опять заскрипел трос, подтягивая бадью, в которой теперь уже сидел Молейко. Еще два часа пролетели в напряженном труде.

Только тогда, когда решетка была полностью очищена от опалубки, Анатолий Молейко и Александр Брунцев поняли, какой опасности они ежеминутно подвергались, выполняя это исключительное по своей сложности задание.

Тяжело дыша, они стояли друг против друга, неловко улыбаясь, ощущая радость трудового подвига. Они не слышали вокруг одобрительных возгласов и поздравлений.

Вся операция этого трудного задания была выполнена всего за четыре часа. В эту ночную смену все производственники бригады Брунцева также выполнили свое задание на 210 процентов.

— Ну, спасибо, друг, — дрогнувшим голосом проговорил Брунцев, крепко сжав плечи Анатолия Молейко. В его голосе зазвучали задушевные нотки. — Выручил в самый раз... Не подвел, значит, бригаду. А теперь, давай, что ли, закурим...

Победа Василия Мальцева

Н ОЧЬ Василий спал плохо. Из головы никак не выходили назойливые, упрямые мысли о завтрашнем дне. С чего начать этот день, как показать членам бригады, что путь, по которому они шли до вчерашнего дня, ошибочен, что им надо придерживаться другой дороги, той самой, которая привела сотни производственников к большим трудовым победам и заслуженному поощрению.

Иногда глаза сами собой смыкались, и тогда Василий вновь, как наяву, видел свой приход в бригаду, тот неласковый, осторожный и даже немного подозрительный прием, который оказали производственники своему новому бригадиру.

— На неделю или на две к нам? — ехидно спросил его тогда низкорослый боевой паренек, на смуглом лице которого так живо и озорно блестели наивностью большие карие глаза.

— И ведь вопрос-то пустяшный, — сокрушенно думал Василий, — а вот поди же ты, не смог сразу ответить..., растерялся.

Таким же непонятным казался ему и весь разговор, который он затем почти час вел с новыми товарищами по работе.

— Построже, построже надо было бы с ними, — сокрушался Мальцев, осторожно поворачиваясь с боку на бок и внимательно вглядываясь в темноту общежития: не следит ли кто за ним, не заметны ли для бригадников эти мучительные переживания их нового бригадира?

Уснул Василий лишь тогда, когда ветер донес раскатистое кукареканье проснувшихся петухов, а на дворе уже стали слышны шум и суета работников хозяйственной службы — у них рабочий день начинался на два-три часа раньше общего подъема.

Утром на развод бригада вышла в полном составе. Василию удалось установить с производственниками душевые отношения, и теперь они шли на работу, перебрасываясь веселыми шутками. Больше всех шутил Анатолий. Мальцев уже понял, что в бригаде он — запевала, своего рода затейник и шуточник, которому за веселый нрав

частенько сходят с рук ядовитые, а порой и обидные шутки.

На объекте Мальцев привычно расставил людей, выписал наряд-задание и стал внимательно приглядываться к работе товарищей. Его радовало, что никто не спрятался, никто не бросил своего рабочего места. Где бы ни появился он, всюду видел, что производственники работают хорошо, с явным старанием.

— Процентов на сто пятьдесят вытянем! — радовался Мальцев, в душе уже ликую, что не оправдались прогнозы начальника, заявившего, что он направляется в «трудную бригаду», где никто не хочет работать.

Но эта радость оказалась преждевременной. Вечером, при подведении итогов, Мальцев недоуменно увидел, что бригада даже не выполнила норму. Виновником этого оказался и Анатолий.

— Значит шутить умеем, а работать нет? — обратился к нему после ужина Василий, с трудом удерживая накипавшую злобу. — Почему не выполнил норму?

И хотя вопрос был обращен только к Анатолию, все производственники повернулись к бригадиру, а некоторые даже встали со своих мест и подошли поближе.

— Почему? — переспросил тот. — А кому это нужно, ты нам скажи? Кому?

В голосе Анатолия звучала явная обида. Видя, что бригадир медлит с ответом, он продолжал:

— Мы вот прошлый месяц поработали и, кажется, неплохо, а получать что? Дулю! — Он соострил несложную фигуру из трех пальцев и под одобрительные взглазы присутствующих покрутил ею перед носом бригадира.

— Как так? — не понял Василий.

— А та... хочешь расскажу.

И Анатолий поведал Мальцеву незадачливую историю, своей бригады. Оказывается, что, благодаря чей-то неряшливости, в бригаду назначались один за другим бригадиры из числа тех, кто любит как-нибудь «прокалывать» месяц, а затем, собрав «положенное» (а попросту, обворовав рабочих), переходить в другую бригаду. Так и привыкли в бригаде считать, что они нужны только затем, чтобы дать возможность «заработать» людям «избранным», а самим довольствоваться тем, что останется.

— Ну нет, так дело не пойдет, — задумчиво проговорил Василий, выслушав эту историю. — Не хочу хвалиться, но я не из тех бригадиров. Я пришел к вам не за деньгами, хотя, конечно, заработать побольше никто не против. Но думать так могут только крохоборы, рвачи. А мы — люди, совершившие преступление перед Ро-

диной, и наше стремление должно быть только одно — в труде искушить вину перед народом; доказать, что мы умеем трудиться на общее благо, можем быть полезными в нашем советском обществе.

Всю эту тираду Мальцев произнес одним духом, ибо вообще не любил много говорить, а когда речь заходила о «политике» — совсем терялся. Но бригадники поняли своего бригадира.

И не только поняли, но и поверили ему. Все последующие дни работавшие на соседних участках производственники сначала посмеивались, видя, как старательно и упорно трудится бригада Мальцева.

— Ну что, взялись за ум, пересмешники! — кричали они оттуда.

— Давай, давай нажимай, только не очень торопитесь, а то далеко ускаките, — не догонишь!

Однако, уже через неделю смех не стало слышно. Соседи, подойдя к доске показателей, быстро сравнивали свои и «мальцевские» цифры, задумчиво почесывали затылки и спешили к себе на объекты. Бригада Мальцева явно набирала темпы и уже «наступала на пятки» лучшим бригадирам подразделения. Об этом коллективе стали говорить с уважением, кое-где, правда, еще робко и неуверенно уже высказывались мнения, что бригада сумеет взять первенство в соревновании.

Мальцев старался не слушать похвал. Все упорнее и настойчивее он улучшал организацию труда, буквально дрался с прорабами за каждую потерянную в простое минуту, за каждый кубометр недоданного вовремя стройматериала. Зараженные его неутомимой энергией, его верой в правоту своего дела, неизнаваемо хорошо работали и все члены бригады.

Правда, шутки и смех все еще порой прокатывались по всему объекту бригады. Но это уже были другие шутки. И��ела из них горечь и обида на «неудавшуюся жизнь», на «загубленную молодость». На смену им пришла веселая, радостная шутка, задорный и жизнерадостный смех над неудачей товарища, потерпевшего поражение в соревновании за лучший результат работы в этот день или не сумевшим добиться такого же высокого качества работы, как его сосед. На эти шутки уже не обижались. Наоборот — они пробуждали новую силу, придавали энергию и настойчивость, помогали работать лучше, быстрее.

...Август промелькнул, как один день. В тот вечер, когда подводились итоги соревнования, мало кто думал о бригаде Мальцева. Только поэтому, когда председательствующий объявил, что первенство в социалистическом соревновании присуждено бригаде, где бригадиром В. Мальцев, в зале долго царила немая тишина, прорвавшаяся затем таким громом аплодисментов, который, пожалуй,

только раз слышали стены этого помещения: в день, когда строители объявили постановление о поощрении производственников, особенно отличившихся на сооружении первой очереди гидроэлектростанции.

Получив вымпел, Василий подошел к товарищам.

— Поздравляю вас, друзья, с первой победой! — радостно сказал он, пожимая руки строителям.

А. ЩЕЛОКОВ

Жена

I.

МАССИВНАЯ дверь тяжело захлопнулась за стеной, и Александр бросился на койку. Уткнувшись головой в подушку, он лихорадочно перебирал в голове свою жизнь. Когда он пошел по неправильному пути? Когда?...

В голове проносились события последних дней. Друзья, пьянки, плач жены... Как она его уговаривала бросить друзей, с которыми он загулял, бросить пить! А он на ее слова и слезы ответил отборной пьяной руганью. И снова — ресторан..., драка..., и вот он осужден. О-с-у-ж-д-е-н!

А как было стыдно на суде! В зале находились товарищи по работе. С ними Александр бок о бок работал пять лет инженером-конструктором. Со многими он дружил еще в институте. Теперь же он не посмел взглянуть им в глаза.

Как глупо разрушена жизнь. А кто виноват? Он пытался в душе найти виновных, но не находил. Виноват был он и только он. Работа, которую ему поручили, шла успешно. Все чаще и чаще Александр стал посещать ресторан, завел случайных друзей. Кто они? Он и сейчас не знает.

А разве он не любил жену? Вспомнилось, как с ней они гуляли в парке, как нежно называл ее Машенькой. А когда он окончил институт, они поженились. А последний год? Разве это любовь? Когда она обратилась к нему с просьбой помочь ей решить задачу за 10 класс, он отказался, не помог. Да и трудно было помочь, когда голова трещала от очередной пьянки.

Теперь и ее он потерял навсегда. Слезы навернулись на глаза Александра....

II.

На другой день, по прибытии в подразделение, Александр Фролов вышел на работу. Сердце сжалось в груди, когда в руки,

вместо привычных чертежных принадлежностей и логарифмической книжки, он взял лопату. Несовытупи движениеми, быстро уставая, он стал медленно ковырять тяжелую, утрамбованную землю.

Так шли дни... Постепенно Фролов привык к физическому труду, старался работать хорошо, и только мысли в голове не давали покоя. Нигде он не мог скрыться от них. Ночами Александр метался на койке в беспокойном сне. Он видел жену, друзей, суровые осуждающие глаза прокурора. И только к утру забывался в тяжелом сне.

Строительство очень заинтересовало производственника. Вскоре, начав работать бетонщиком, Александр все чаще и чаще стал ощущать удовлетворение. Его труд шел на пользу народу, народу, перед которым он чувствовал вину.

Правда, вначале норму ему выполнять было трудно. Но через пару недель и с этим он справился.

— Молодец, Саша! — сказал однажды бригадир Николай Иванович. — Для тебя, как для инженера, это полезно. Вернешься домой, будешь хорошо знать цену ручного труда. Смотришь — побольше механизацией заниматься будешь. Да ты не унывай! Женат?

— Да... А впрочем, нет, наверное, — смущался Александр и ежесточию запустил вибратор в массу бетона.

— Как это.., и да, и нет.., Что — разошлись? Не тошнись, как говорят, характером?

— Нет! Не расходились. Просто не пишет. Не хочет. Да и зачем я теперь ей нужен такой! Преступник! — последнее слово Александр растянул и произнес с особым ударением.

— А долго прожили? — глянув спросил Николай Иванович, закуривая папиросу.

Шесть лет. Жили хорошо... да только последнее время я выживал много, ругались... Она, конечно, права была. Я любил ее и люблю. А вот как все это получилось — сам не пойму.

— Ну теперь, пожалуй, поймешь, — усмехнулся бригадир, — а любил, видимо, не того... не очень.., А на счет жены.., Если она самостоятельная женщина, любит тебя, верит в тебя.., то напишет, обязательно напишет. А если — нет, то.., значит иного друга знали.

Александр задумался.

III.

Вечером Фролов долго просидел за столом. Он решил сам написать письмо Марии. Много испортил бумаги. Все было не то, не так. Письмо получалось слашавое, а самое главное — неискреннее. Уже под утро он лег спать, так и не закончив письма.

Участок бетонирования в этот день был особенно трудным. Со всех сторон он был окружен арматурой и опалубкой так, что трудно было повернуться. Александр работал вибратором. Работа

была срочная. Бетонирование этого участка сдерживало фронт работ остальных строителей. Александр это знал и работал особенно напряженно. К концу смены усталость разлилась приятным теплом в его теле. Неслышино подошел Николай Иванович, крепко пожал ему руку и, ударив по плечу, сказал:

— Не подкачал! Вся бригада перевыполнила дневное задание почти в два раза. Начальник района передал благодарность. Понятно?

Александр впервые за многие дни улыбнулся.

IV.

«Дорогая Мария! Ты знаешь, что я тебя всегда любил, а сейчас люблю еще больше. Я сам себя ругаю за все произошедшее. Низость своего поступка я особо осознал здесь, на строительстве, где на моих глазах идет покорение стихии. Я очень виноват перед тобой. Свою вину перед народом я искуплю честным трудом, но, как мне искупить вину перед тобой? Простишь ли ты меня? Поверишь?...»

Александр задумался, заклеил конверт и вышел из барака.

V.

Бригада, руководить которой поставили Александра, длительное время неправлялась с дневными заданиями. Много ему пришлось говорить с производственниками. Одних Александр подбадривал, другим помогал освоить лучшие приемы работ, третьих безжалостно ругал за лень и нежелание работать. Однажды, когда он увидел в руках одного производственника бутылку водки молча взял ее и швырнул в воду.

И вот сегодня впервые план выполнен. Закрывая наряды на работы, он чувствовал радость, большую радость одержанной победы. Нет, жизнь еще не потеряна! Она впереди. И идет он по правильному пути. Никогда больше он не свернет в сторону.

Мысли вернулись к Марии. Ответ на свое письмо он так и не получил. Задумавшись, Александр молча смотрел в окно. Взглянув на часы, одел телогрейку: к шести часам его вызывали к замполиту. Когда Александр, постучав, открыл дверь, он буквально осталбен от радости и неожиданности. Со стула, навстречу ему, поднялась Мария. Она быстро подошла к мужу, молча обняла и крепко прижалась к его груди.

Он понял — она ему верит. Она будет с ним всегда.

Замполит улыбнулся, вышел из комнаты и тихонько прикрыл за собой дверь...

Константин Гаврилин

ИЮНЬ в 1955 году стоял солнечный, жаркий. Солнце обжигающими лучами нещадно палило землю. Возвращающиеся с работы строители с нетерпением бросались к умывальникам, водопроводным кранам и с наслаждением подставляли разгоряченные тела под прохладные струи воды. Всюду слышался веселый смех, звонкие шлепки ладоней по обнаженному телу.

Только Константин Гаврилин не принимал участия в общем веселье. Замкнутый и нелюдимый, он молчаливо сидел в тени деревьев. Уже который день он силился и никак не мог понять, что заставляло этих людей трудиться с таким вдохновением, с какой-то поражающей энергией. «Ладно бы еще для себя, для дома... А то ведь за что стараются? — мучительно думал он, не находя ответа на свои сомнения.

«А может быть попробовать и мне?» — где-то лениво шевельнулась мысль. — «Посмотрим, как это я перевоспитаюсь!».

...Так шутки ради пришел в бригаду постоянный отказчик Константин Гаврилин. Он ожидал, что его встретят насмешками, упреками и заранее приготовился дать подходящие ответы. Но этого не случилось. Бригадники знали, как привлечь к себе нового товарища, помочь ему прочно встать на ноги. О прошлом не было сказано ни одного слова. Наоборот, вокруг себя Гаврилин слышал только захватывающие и глубоко волнующие разговоры о полученных зачетах рабочих дней, о том, что завтра Василий, а через несколько дней Федор досрочно уезжают к родным семьям.

Вниманием и заботой окружили члены бригады нового товарища. На производстве каждый старался помочь ему, показать, как лучше выполнить то или иное задание. А в конце лета бригадир даже посоветовал Константину поступить учиться в вечернюю школу.

— А примут ли? — усомнился Гаврилин, — ведь я...

— Хороший парень, строитель, перевыполняешь нормы, — подхватил бригадир и убежденно добавил, — примут, обязательно примут!

Константина приняли в школу. Довольный и радостный ходил он вечерами на учебу, настойчиво ликвидировал разрыв в своем образовании. Он был уверен, что десятый класс все же окончит.

Но не только знания давала школа молодому строителю. Осуществляя указания партии о политехническом обучении, администрация открыла в школе курсы шоферов, трактористов и рабочих других специальностей. С большим желанием стал посещать курсы электриков и Константин Гаврилин.

Быстро летело время в упорном труде и напряженной учебе. Самому Константину казалось, что внешне он ничем не изменился, разве только стал более общительным с товарищами, полюбил коллектив. Зато все, кто знал его в первые дни приезда на стройку, видели, какими большими шагами идет он по новой дороге, по дороге, которая без сомнения выведет его к большой жизни. Гаврилин уже не задумывался над тем сможет или не сможет он работать в бригаде. Всего три месяца понадобилось ему, чтобы освоить свою профессию и теперь все члены бригады, а нередко и руководители работ, считали его одним из лучших высоковольтников. Капитальные ремонты электросварочных аппаратов Константин стал выполнять безукоризненно.

Строители рассказывают о случае, который произошел 4 декабря на втором участке третьего района ГЭС. Неизвестно, кто первым заметил случившееся, только тревожный крик: «пожар!» заставил всех, кто был на участке, бросить работы и поспешить к монтажной площадке. Там, на большой высоте, тянулись яркие огенные линии — горели провода электрической проводки.

Собравшиеся суетливо толпились внизу, растерянно подавая советы, как лучше справиться с огнем, но никто не решался на такой высоте вступить в единоборство с огненной стихией.

И вдруг снизу заметили, что к месту пожара подбирается человек. Вооружившись немудреным инструментом электрика, он смело вступил в борьбу с огнем. Казалось, что он не выдержит огромного напряжения, потеряет опору и тогда...

Но человек наверху уверенно и смело делал свое дело. Через несколько томительных минут строители с облегчением заметили, что пламя становится все меньше, а затем последние огоньки, скользнув по оплетке проводов, мелькнули и угасли. Смельчак, ликвидировав последствия загорания, медленно опустился вниз. Это был Константин Гаврилин...

Славные трудовые дела молодого электрика по достоинству оценены руководством. За систематическое перевыполнение сменных

производственных заданий на 180—200 процентов электрик Константин Гаврилин был награжден Почетной грамотой и ценным подарком.

Высокую награду Константин воспринял как проявление большого доверия к нему, как наивысшую оценку его труда.

— Буду работать еще лучше, вместе со всеми буду готовить трудовой подарок XX съезду нашей славной партии, — заявил он, принимая награду.

Эти слова не стали пустым бахвальством. Юноша теперь старался все делать только отличного качества, работал быстро. Товарищи радовались, глядя, как под его умелыми руками возрождались к жизни, казалось, безвозвратно вышедшие из строя аппараты. Но Гаврилин ни на минуту не забывает тех, кто вовремя поддержал его, указал правильный путь в жизни. И все свои успехи и достижения он справедливо называет успехами «нашей бригады».

Как и все строители, Константин встречал Новый год хорошими успехами в труде. Вместе со всеми он от всей души радовался замечательной победе гидростроителей — пуску первого гидроагрегата. И именно в эти дни он испытал еще одну радость. В эти торжественные для коллектива дни в подразделении, где начальником Кульков, был зачитан приказ министра о поощрении строителей, особо отличившихся во время работ по перекрытию реки. В этом списке в числе других Константин с волнением услышал и свою фамилию.

* * *

Всего немногим более полугода прошло с тех дней, когда Гаврилин прибыл на стройку. А как неизвестно изменилась она! На месте огромного котлована сейчас тяжело перекатываются свинцовые воды, через могучее русло реки пролегла высокая насыпь плотины, а всю величественную панораму стройки ярко освещают огни первого агрегата.

Неизвестно стало и Константин Гаврилин. Прошли его страхи, кануло в вечность фальшивое стремление отсидеться в уголке, быть безучастным в развернувшемся строительстве.. Теперь уже Константин не думает, для кого стараются производственники, почему они, не жалея сил, стремятся как можно лучше и быстрее выполнить поручаемые им работы.

Разбуженная трудом любовь к своей Родине, закаленная в борьбе с трудностями вера в успех общего дела, прочно поставили его в один ряд с передовиками и отличниками производства. Теперь Константин знает, что труд это не тяжелая обязанность, а радость жизни, потребность каждого, кто любит Родину и свой народ. И эта уверенность рождает в нем новые силы, открывает широкую дорогу в прекрасное будущее.

С. НОВИКОВ

Верхолаз

ФЕДОР непослушными немеющими руками застегнул широкий, с металлической цепью пояс на талии и в тревожном ожидании замер на месте.

— Поднимайтесь! — крикнул бригадир и махнул рукой.

Потеряв под собой опору, Федор висел над конструкциями ферм, не в силах отвести завороженного взгляда от рассыпанных на дне агрегата человеческих фигурок и темного провала польны. В глазах рябило, и страх, безответный страх, сковал всю душу, точно клемшами захватил его сердце и горькая, вяжущая тошнота подступила к горлу. Над головой Федора гигантский кран опускал огромную раму фермы. Ветер рвал полы брезентовой куртки Федора. Он судорожно глотнул воздух, и руки его разжалась, выпуская инструмент...

Спустя несколько минут, Федора опустили вниз. Посеревшее, перекошенное страхом лицо его жалко дрожало. Ему было мучительно стыдно своего малодушия. Он увидел устремленные на него насмешливые взгляды товарищев. Эти взгляды, казалось, прожигали его.

— Эх ты... — с сердцем проворчал бригадир, сдвигая брови, — Матрена... Бери лопату, ковыряйся внизу, здесь...

Федор покорно поднял лопату и, ни на кого не глядя, принял за работу.

Вечером, в секции общежития, после ужина, к нему подошел товарищ — Миша Кулагин, с которым он вместе приехал в подразделение.

— Как же у тебя получилось, а? — тихо спросил Михаил и в голосе его прозвучала досада и обида за друга.

— А тебе что? Отчитываться перед тобой что ли? — отрывисто и зло буркнул Федор.

— Это ты, зря — спокойно оборвал его Михаил, — со мной

тоже так было... Думал, глаза на лоб вылезут... Вот как страшно было.

В глазах у Федора зажглось любопытство, но он притворился равнодушным.

— Я небось, видел, как ты там работал, — недоверчиво протянул Федор. — Тебя-то не спустили сверху, как меня.

— А самолюбие на что? Я, брат, тоже зубы стиснул, голова кругом, ... а виду не подаю..., потому как стыдно перед товарищами смалодушничать.

— А потом, что?

— Потом одолел страх... привычно стало. Работа кипит так, что рукам жарко.

— Ишь ты как..., — пробормотал Федор, отодвигаясь от товарища. — А я вот не смог.

Весь вечер, сторонясь от ребят, он находился в какой-то задумчивости и смущении. Из головы не выходили слова друга о самолюбии.

Утром, когда Федор вместе с другими производственниками своей бригады пришел на строительство, бригадир обратился к нему:

— Ну, куда мне тебя поставить? У нас теперь высотные работы.

— Я буду работать наверху!

— Но ведь ты не можешь?

— Я буду работать наверху — упрямо повторил Федор.

Бригадир хотел что-то сказать резкое, но, взглянув в решительное лицо собеседника, неожиданно проговорил:

— Хорошо. Я думаю, ты на этот раз не подведешь... Получай державку, — будешь подваривать фермы на высоте!

...И опять, как в тот раз, ощущение холода коснулось сердца, когда люлька подняла Федора наверх, и когда на высоте 40 метров Федор взглянул вниз, внезапный прилив страха охватил его, в голове замелькали круги и снова тошнота подступила к горлу.

Огромным напряжением воли Федор поборол в себе минутную слабость и головокружение. Крепко сжимая в руках державку и аппарат, он уперся ногами в раму, пристегнул себя к арматуре, уверенно включил ток. Под электродом брызнул каскад синих искр.

С каждой минутой ощущая усиливающуюся уверенность и радость преодоленного страха, Федор работал с чувством огромного удовлетворения. И когда он «вернулся» на землю, выполнив задание, сердце его было переполнено чувством лиżąщей гордости за свое мужское достоинство в преодолении трудности на высотной работе. Он победил свой страх усилием воли и напряжением труда и это было самое главное.

Симонов стоял теперь перед своими товарищами и не прятал от них глаз, как это было вчера. Сейчас он не чувствовал своей

оторванности от коллектива. Он ощущал всем своим сердцем дружеское участие товарищей, видел, что нашел свое место в коллективе бригады. К Федору, улыбаясь, подошел бригадир, приветливо щуря глаза, дружески потрепал его по плечу.

— Ну, теперь и ты настоящий верхолаз... задание свое выполнил с честью. Поздравляю!

На объекте „В“

ВТОРАЯ бригада, с которой в этот день мне пришлось выезжать на объект, состояла преимущественно из молодых людей. Только трое достигали возраста тридцати с небольшим лет. Остальные были не старше 25 и не моложе 17 лет. Я сидел рядом с бригадиром, с человеком, как говорится в полном соку жизни, и спрашивал о бригаде, о работе, о планах на дальнейшее. Отвечая мне, он как бы между прочим, сказал:

— Да, что об этом говорить! Вот приедем на объект, увидите все сами!

Надо сказать, что вторая бригада создана всего три месяца тому назад. Вошли в нее в подавляющем большинстве новички. Не имея строительной специальности, бригада вначале была вынуждена некоторое время просиживать в подразделении. Но потом администрацией были созданы соответствующие условия, и члены бригады получили возможность приобрести специальность штукатуров.

Как и другая специальность, специальность штукатура требует от человека не только сообразительности и смекалки, но и ловкости и быстроты в движениях. Нередко случалось, особенно на первых порах, что с учениками происходили чуть ли не конфузные истории.

Вот что произошло однажды с Евгением Рыбакиным, одним из лучших и старательных производственников. Не имея достаточной опыта и споровки в нанесении раствора на обрабатываемую поверхность, он разбросал раствор слишком толсто и принялся делать затирку. Все это он делал с таким усердием, что не заметил, как с одной стороны штукатурка стала выпадать наружу, словно кто надувал ее изнутри. Когда он закончил затирку и приготовился спрыгнуть с козел вниз, чтобы оттуда полюбоваться на дело своих рук, штукатурка неожиданно плашмя упала на его голову, залепив лицо и фуфайку.

— Ну, а сейчас, — обратился бригадир ко мне, — давайте

пройдем и посмотрим, как работают наши люди.

Я выразил готовность, и мы пошли смотреть, как идет дело на том или ином месте работы. Подойдя к работавшему строителю, мы попросили его рассказать о своей работе. Тот немного смущался, но потом ответил:

— А о чем рассказывать-то? Вот, как видите, работаю. А уж как работаю, об этом спросите бригадира.

— Это у меня один из лучших, — сказал бригадир, когда мы, стойдя немножко в сторону, любовались ловкой и живой работой штукатура. — Кучин, фамилия его. Нормы ежедневно выполняет на 125—130 процентов.

— Ну, а как другие производственники? Справляются с заданием? — спросил я.

— Справляются, — уверенно ответил бригадир. — Конечно, вначале не все гладко шло. Случалось, что и неважно было. Но сейчас справляются. Вот взять, к примеру, хотя бы таких людей, как Новиков Борис, Кривошеев Артем, Злобин Лев, Прокофьев, Асалиев, Макаров и культорг Шилов Евгений. Прямо надо сказать, что с заданием они не просто справляются, а и перевыполняют дневную норму выработки. Да и из их подсобников есть ребята, которые нормы выработки выполняют не менее, чем на 121—125 процентов. К ним смело можно отнести таких, как Клюев Иван, Беспалов, Жабин Василий, Киселев.

— А сколько же ваша бригада сделала за сентябрь? — поинтересовался я.

— Заштукатурили 1500 квадратных метров, а по плану надо было 1200. Это уже составляет 125 процентов. Но мы могли бы и больше сделать, если бы не некоторые недостатки.

— А в чем же они заключаются? — спросил я.

— В чем? — снова переспросил бригадир. А видели, как получается раствор на второй этаж? Древним способом: врыли столб, сделали к нему перекладину. На один конец бадьи, на другой вевреку, и пошла работа — тяни да тяни. А ведь вполне можно было бы поставить какой-нибудь механизм.

В этот момент к нам подошел производственник и увел бригадира по какому-то срочному делу. Оставшись один, я вышел из здания и направился в другие бригады. В бригаде семлекопов порадовали успехами Буторов и Горносталев, выполняющие норму выработки на 135 процентов и выше.

Особенно хорошо трудятся производственники растворного звена бригады Быков, Петров, Джураев, Киселев. Плотники этой же бригады Мелешко, Иванов, Давыдов также перевыполняют дневную норму выработки.

В 35 бригаде ежедневно отличаются такие производственники

как плотник Приходько, штукатур Панков. Каждый из них дневную норму выработки выполняет не менее чем на 121 процент.

Но, как и обычно, наряду с хорошими сторонами, оказались здесь и плохие. Например, в 95-й бригаде производственник Расказов не выполняет норму потому, что ленился, а в 35 бригаде есть два производственника, невыполняющих дневные нормы выработки. Это Буцев и Леонов.

Очень жаль, что некоторые бригадиры боятся говорить о недостатках в своих бригадах. Ложно убежденные в нецелесообразности освещения плохих сторон работы своей бригады они скрывают от казчиков и лодырей и тем самым помогают им нарушать дисциплину.

Сейчас, когда вся наша страна встала на трудовую вахту, включились в предоктябрьское социалистическое соревнование и бригады, работающие на объекте «В».

Судя по тому, с каким огромным подъемом каждая из этих бригад относится к труду, можно заранее сказать, что они свое слово сдержат. В заключение остается только пожелать производственникам объекта «В» и дальше трудиться с таким же упорством, чтобы день 40-й годовщины Великого Октября встретить с полным сознанием не зря прожитого дня.

Виктор Харламов

ДВА С ЛИШНИМ года тому назад прибыл на стройку Виктор Харламов. Не в пример другим, он не имел никакой строительной специальности. За его плечами были лишь годы рядовой работы в колхозе. Но это не смущило строителя. С огромной энергией включился он в работу. Уже через неделю после приезда он поступил на курсы слесарей и стал настойчиво овладевать новой для него специальностью.

Дни шли неудержимо быстро. Уплотненные до предела, они мелькали один за другим настолько быстро, что Виктор сам удивлялся, как это он еще успевает вести им счет. Тридцать дней пролетели, как один. Через месяц Харламов вместе с другими слушателями курсов получил документ об их успешном окончании. А на другой день молодой слесарь-верхолаз уже приступил (первый раз!) к самостоятельному монтажу электрооборудования на основных сооружениях здания гидроэлектростанции.

Работа, что называется, спорилась в руках Харламова. Все, что ему поручали, он делал быстро и хорошо. Никто на участке не поминут случая, чтобы, проверяя его работу, мастер, недовольно поморщившись, сказал: «Брак!» Наоборот, когда приемщик заканчивал осмотр участка, где работал Виктор, его лицо откровенно выражало полную удовлетворенность.

Два года трудился на строительстве Виктор Харламов. За это время в его личном деле появилась не одна запись. Ходатайства начальников участков и районов о вынесении благодарности аккуратно чередовались с выписками из приказов начальника подразделения о поощрении, о премировании.

В то же время росло и количество зачетных рабочих дней.

Руководство подразделения с большим вниманием следило за тем, с какой уверенностью идет верхолаз по славному трудовому пути. И когда речь зашла о новом поощрении отличившихся, все

единогласно решили ходатайствовать о досрочном освобождении Харламова.

Радостная весть о досрочном освобождении сильно взволновала Виктора. Он знал, чувствовал всем сердцем, что это стало возможным только благодаря его самоотверженному труду и был нескажанно благодарен тому, что этот труд не остался незамеченным.

Недолги были сборы производственника. Сложив в чемоданчик свои бесхитростные пожитки, получив на руки соответствующие документы, он уже был готов выехать вновь к родным местам. Но уехать так просто он не мог. Виктор чувствовал непреодолимую потребность поделиться своей радостью с товарищами, высказать им все, что он выстрадал и пережил за годы вынужденной разлуки с семьей. Харламов попросил разрешения выступить по радио. Его просьбу удовлетворили.

— Говори спокойно, Витя, не волнуйся, — улыбаясь пододвинул ему микрофон дежурный по радиоузлу культурганизатор.

— Спокойно? — переспросил Виктор. — Да разве можно быть спокойным в такую минуту?

— Дорогие друзья, — громко начал он свою последнюю речь. — Я уезжаю домой и мне хочется еще раз напомнить вам, что эту честь я заслужил только своими руками, руками, которые никогда не чувствовали усталости в труде. Работайте лучше, друзья, давайте отпор тем, кто идет и говорит, что теперь для нас «жизнь кончилась». Это неправда! Мы люди, а каждый человек у нас — сам хозяин своей судьбы. Не давайте никому права распоряжаться ей, внимательно прислушивайтесь к тому, что вам советует администрация.

Долго еще говорил Харламов. В его страстной речи слышалася не только горячий призыв к труду, но и дружеское участие к остающимся товарищам, желание указать им правильный путь в жизни. Когда он кончил говорить, лицо его было красным от волнения.

Вот теперь все, теперь можно ехать, — смущенно проговорил он. — Теперь моя совесть спокойна.

Ты прав, Харламов! Совесть твоя чиста. Счастливого пути!

С помощью коллектива

ЗИМА В 1954 ГОДУ выдалась малоснежная, холодная. Неделями не показывалось из-за туч солнце, дули сильные ветры. Работать было трудно.

В один из таких дней и прибыл на стройку Губайдулла Шарипов. Отныне ему предстояло трудиться в подразделении, которым руководил Громов.

Шли дни, однако Шарипов не спешил включаться в работу. Отделившись от коллектива, он одиноко коротал свои дни где-нибудь в укрытом местечке. Нередко Шарипов прямо отказывался от выхода на работу, получал взыскания. На все уговоры бригадира Гусева приняться за дело он неизменно отвечал:

— Я не работал раньше, не буду работать и теперь.

Тогда товарищи по бригаде решили коллективно заняться воспитанием отказчика. То один, то другой строитель как бы невзначай заводили разговоры с Шариповым, рассказывали ему о своих успехах. Как правило, все эти разговоры кончались радостными мыслями о том, что кому-то из производственников начислены зачетные рабочие дни, что скоро тот или иной член бригады досрочно освобождается, уезжает домой.

Тяжело было слушать Губайдулле чужие радости. Непонятная обида на самого себя с каждым днем все более и более теребила его душу, смешиваясь иногда с огромным, почти болезненным желанием вернуться домой, начать там новую трудовую жизнь. И вот, незаметно для себя, Шарипов стал общаться с людьми, сначала робко, а затем все смелее и смелее принимать участие в мероприятиях, которые проводили члены бригады. Карты, вино, азартные игры постепенно уходили на второй план, уступали место активному участию в общественной жизни. А затем товарищи пробудили у Шарипова и интерес к работе. Уже в мае Гусев поставил Шарипова на один из ведущих участков — заливку бетона в фермы плин-обложек. Работа эта заинтересовала Губайдуллу, но по-настоящему

его увлекло совсем другое. Товарищи вскоре заметили, что он с особым интересом присматривается к работе мельферов, лебедок, вибраторов.

— Видно любит парень электрическое дело, — решили они. — Надо помочь ему.

Вскоре по ходатайству бригады Шарипова перевели в электротех. Здесь он почувствовал себя счастливым. С помощью старшего инженера-электрика Ивана Яковлевича Исагенкова и прораба Констоглядова он без устали возился со своим сложным электрическим хозяйством, старался разобраться в каждом механизме, в каждой проволочке. А вечером в общежитии Губайдулла с увлечением читал данную инженером литературу.

Надолго в памяти Шарипова останется ноябрь 1954 года. В один из этих пасмурных осенних дней он впервые встал на самостоятельное дежурство у щита только что пущенного архитектурного цеха.

Так пришло трудовое счастье к бывшему нарушителю, отказчику Губайдулле Шарипову. С помощью коллектива он сумел преодолеть свои пороки прошлой жизни, прочно стал на правильный жизненный путь. А правоту его вскоре Шарипов испытал полностью.

1 Мая 1955 года приказом начальника завода Шарипову была объявлена первая благодарность. В ноябре этого же года к благодарностям в личном деле электрика прибавилась пометка о денежной премии, записи о начислении зачетных рабочих дней. И, наконец, в марте 1956 года руководство подразделения объявило о досрочном освобождении Шарипова.

...Человеком без специальности, лодырем и нарушителем пришел Губайдулла в бригаду Гусева. Прошло два года и домой к семье возвращается электрик шестого разряда, человек, любящий и уважающий труд, видящий в нем всю радость жизни.

АНАТОЛИЙ ЕДЕТ ДОМОЙ

ЖАРКИЙ июльский день. В голубизне бездонного неба плывут белые, белые облака. Не шелохнутся, не вздрогнут листья и тонкие ветки кустарника. Мы лежим под небольшими кустами желтой акации. Я и тот, что завтра досрочно уезжает домой. Который раз гляжу я в улыбающееся лицо Анатolia и с завистью думаю:

«Какое счастье вышло на твою долю, друг! А ведь год назад...».

* * *

Год назад мы вместе с ним первый раз пришли на строительный объект. Оба попали в одну бригаду плотников-опалубчиков. Робко озираясь, мы остановились, повинувшись голосу бригадира, между двумя гидротурбинами.

— Здесь будет работать третье звено, — заявил бригадир.

Мое сердце екнуло. Третье звено, значит и я тоже. Непонятный страх холодком защемил сердце. А бригадир продолжал, указывая уже прямо на меня и стоящего рядом белобрысого паренька.

— Вам на двоих за смену надо сделать десять щитов, размерами три метра длиной, пятьдесят сантиметров шириной. Ясно?

— Ясно, — ответил я за обоих, хотя и не знал, как отнесется к этому мой случайный напарник.

А тот, едва только отошел бригадир, окликнул меня:

— Эй, ты! Ты его понял?

— А ты разве нет? — вопросом на вопрос ответил я.

— То, что щиты делать, — понял! А вот где тут чего взять — ни черта не пойму!

Я молча показал ему на подготовленные заранее доски, молотки, пилы и гвозди. Но напарник продолжал упрямиться.

— Все есть..., — иронически протянул он, — не хватает только чертежа... А рулетка где?

— Вот метр, — отозвался я, словно, не замечая его иронии. — Да, как зовут-то тебя?

— Анатолий или просто... Толька.

— А меня Виктор. Ну — познакомились?

Анатолий улыбнулся, и мы пожали друг другу руки. Через пять минут мы уже приступили к работе.

Однако, как я сразу же заметил, Анатолий отнюдь не торопился. Он лениво и как бы нехотя перебирал доски, также медленно делал на них разметку и затем спокойно начинял резать. Честное слово, его медлительность могла возмутить даже мертвого, и я до сих пор удивляюсь, как это сдержался, не стукнул тогда своей пилой по этой безразличной ко всему, самодовольно улыбающейся роже.

А он немножко погодя выкинул номер еще почице. Смотрю я, отнилил он одну доску, вторую, а затем бросил ножовку и возмущенный сел на обрубок бревна.

— Нет, такой пилой дохлой курице шею не перепилишь, не только доску. Пусть ей сам Лисицын пилит, а с меня хватит!

И опять не знаю, какая сила удержала меня, чтобы не стукнуть его по голове, благо, что и положение было к тому очень удобное — сидел он под рукой и чуть пониже меня. Вместо этого я молча взял его ножовку и принялся пилить. Ножовка резала хорошо, легко, но я, копируя напарника, шумно сопел и тяжело отдувался.

Анатолий, кажется, понял мою хитрость, все больше улыбаясь поднялся, подошел и встал сзади.

— Слыши, друг, отдохни немножко, — проговорил он за моей спиной и тут же спросил, — махорка есть?

Я молча подал кисет. Мы закурили, несколько минут, не глядя друг на друга, пускали в светлое небо серые колечки дыма, затем затоптали окурки и разошлись по своим местам.

Прежде, чем взяться за молоток, я спросил Анатолия:

— Ты откуда родом?

— С Воршиловграда, с шахты.

— Там что же все так работают?

Анатолий не ответил, и лишь по злобно сверкнувшим глазам я понял, что вопрос задел его за живое.

— Много пилить? — донесся до меня вопрос напарника.

— Много! На десять щитов надо...

За моей спиной раздался визг врезавшейся в дерево ножовки и я понял, что Анатолий больше не желает разговаривать...

* * *

Все это теперь до мельчайших подробностей вставало в моей памяти. Впрочем, той злобы, которую я ощущал к Анатолию в первый день нашего знакомства, я не чувствовал. Ведь в конце-концов он сказался славным парнем. Целый год после этого мы с ним работа-

ли рука об руку, вместе делили и большие радости, и неудачи. И вот теперь...

Теперь Анатолий уезжает, а я остаюсь. Завидно? Да, очень завидно — ведь я работал не хуже его. И поощрили нас одинаково, одинаково снизили наказание на четыре года. Но что поделаешь, если у меня наказание было почти вдвое строже, чем у него!

Зачирикавший над головой воробей прервал мои мысли. Я хмуро посмотрел на Анатолия, все лицо которого светилось какой-то особенной, непередаваемой радостью. Он ласково положил ладонь мне на колено.

— Ну, не дуйся, Витька, разве я виноват, что ты еще остаешься? — каким-то не своим, тихим голосом сказал он.

Мне показалось, что Анатолий прочитал в голове мои эгоистические мысли. Я густо покраснел и, чтобы скрыть смущение, быстро встал.

— Пойдем, Толя, собирайся, — силясь улыбнуться, ответил я другу, — уже пора!

* * *

Анатолий уехал на следующий день, оставил мне свой Ворошиловградский адрес. Проводив его, я вернулся под тот же куст желтой акации и задумался.

Как быть? Как приблизить свой день освобождения?

Эти вопросы мучительно и настойчиво сверлили мою душу. И чем больше я думал, тем яснее вспоминался мне год славного трудового пути, по которому мы прошли с Анатолием...

СТИХИ

КПСС
спасибо, партия моя!

Родная партия моя,
Ты — яркий светоч для меня,
Ты помогла мне путь найти,
Которым должен я идти.

Теперь я знаю, что в труде
Находят счастье люди.
Ты помогаешь нам в беде,
За что тебя мы любим.

Зовешь ты нас дерзать, творить,
Трудом крепить Отчизну,
Где взять слова благодарить
Тебя за правду жизни.

Спасибо, партия моя,
За то, что солнцем для меня
Ты озаряешь все пути,
Какими должен я идти.

Вперед, к победе коммунизма

Я бесконечно рад, мои друзья,
С Великой годовщиной Вас поздравить,
Которую вы так же, как и я,
Давно привыкли чествовать и славить!
С тех пор, как власть трудящимся дана,
(Нет, не дана, взята в борьбе жестокой!).
Свой день рождения празднует страна
В любви счастливой и глубокой.
И этот год, как много прежних лет,
Прошедших дружным, боевым походом,
Ознаменован славою побед,
Одержанной в труде моим народом.
На целину, что множество веков
Лежала мертвой, шли мы в наступленье,
И в авангарде тракторных полков
Стояло комсомольцев пополненье.
Забыв про сон, про отдых и покой,
Собрав себя в пружину тверже стали,
Мы смело шли, мы выиграли бой
И слово комсомольское сдержали.
И вот сегодня трудовой народ
Стоит, овеян доброй славой,
У праздничных распахнутых дверей
В сороковой, грядущий, величавый.
В котором вновь работать и творить,
Вперед идти, не зная поражений,
Чтоб с честью своевременно решить
Задачи исторических решений.
Так славься, славься, мой народ!
И ты, моя любимая Отчизна!
Идем мы твердой поступью вперед,
К сияющим вершинам коммунизма!

Октябрь, 1956 года.

Звезды над Кремлем

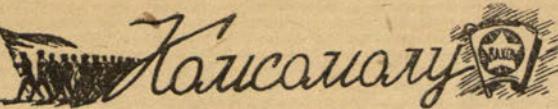
Много звезд вокруг планеты нашей
Светятся мерцающим огнем,
Только мне дороже всех и краше
Звезды над прославленным Кремлем.
В их сияньи — гордость нашей жизни
И программа счастья мирных лет,
Радость и могущество Отчизны,
И самоотверженность побед.
В драгоценных камнях-самоцветах
Вкраплены искусно рукой
Ильича любимого заветы —
Правда нашей партии родной.
Взглянь на них и станешь ты моложе
И сильней на ленинском пути,
Потому милее и дороже
Этих звезд на свете не найти!

Спасибо, партия!

Спасибо, партия! Я отбыл наказанье.
Теперь везде пойду я за тобой.
Ты помогла вернуть мое сознанье
И искупить трудом проступок свой.

Уеду я в уют родного места,
Где ждут меня родные: мать, отец,
А, может быть, и ждет еще невеста?
Ведь положил я прошлому конец!
Что было прежде—то уже не будет.
Мне это разум, сердце говорит.
Я буду жить, как все простые люди,
Я буду жить, как партия велит.

Ты растешь на смену
Партии любимой.
Будущего крылья
У тебя, орел.
Твердой и уверенной,
Непоколебимой
Поступью шагаешь,
Славный комсомол.

Ритм ударов сердца
Слышишь в каждой стройке,
И в литье металлов
Доменных печей.
Комсомолец крепкий,
Характером стойкий,
Выбрать труд стремится
Только горячей.

Будущего счастье,
Радость нашей жизни!
Голос твой сильнее,
Громких радиол,
Выращенный партией,
Славный комсомол!

Ты растешь на смену
Партии любимой.
Будущего крылья
У тебя, орел.
Твердой и уверенной,
Непоколебимой
Поступью шагаешь,
Славный комсомол.

К л я т в а

Родина, Отчизна дорогая!
 Знаю — виноват перед тобой,
 От стыда за прошлое сгорая.
 Я готов на труд идти любой,
 Чтобы смыть свое пятно позора,
 Полноправным быть в твоих рядах
 Я готов один ворочать горы,
 Лодырем не стану никогда!
 Понял я, как низок был поступок,
 Сделанный в угаре пьяным мной,
 И сейчас, друзья, мне не до шуток,
 Я клянуся Партии родной,
 Я клянусь, любимая Отчизна,
 Что отныне в жизни, по земле
 Нонесу я знамя коммунизма
 Гордо и с достоинством, как все.
 С ним пройду любые наши дали,
 Никакой преграды не страшась
 Потому, что вера тверже стали
 В Партию в груди моей зажглась!

Мы не допустим!

Не так давно гремела канонада,
 Едва остыл былых сражений пыл,
 И вот опять, опять чего-то надо
 Военной своре западных громил.
 Прикрывшись темной маской лицемерья,
 Они опять готовят план войны.
 Ты слышишь, друг? За Бонинской черной дверью
 Угрозы миру злобные слышны.
 Не выйдет! Разгадаем лицемерье.
 Народ советский на чеку всегда.
 Но мы за мир, за полное доверье,
 За то, чтоб цветь столетия садам!
 Но если что — поднимет силы мести
 Как никогда советский наш народ.
 Ведь нас путями доблести и чести
 Родная наша партия ведет!

Трудом я горжусь

Весеннее солнце играет
В просторах реки голубой,
Я знаю: меня ожидает
Моя дорогая домой.

Река ей бурливым прибоем
Хорошие вести несет
О ГЭСе, которую строим,
О друге, которого ждет.

Я честно на стройке тружусь,
И к милой досрочно вернусь.
Вернусь и скажу: «Я трудился
На благо Отчизны родной».

И там, где с любимой сроднился,
Отметят почетом труд мой.
Трудом я недаром горжусь —
Досрочно к тебе я вернусь!

Песня о труде

Старый год мы, друзья, проводили
И итоги уже подвели,
Мы отличных успехов добились,
Гидростроевцы русской земли.
— Полюбуйтесь,—рокочут турбины
В светлом зданьи красавицы—ГЭС,
Водосливная наша плотина
Встало прочно под сводом небес.
Плещут волны, и новое море
Славу русскую гордо хранит.
Электричество с солнышком спорит
Даже в самые ясные дни.
И трудом мы по праву гордимся,
Но одно не должны забывать:
Счастлив тот, кто к работе
стремится,
Что на лаврах нельзя почивать.

Я стал не тот

Я помню тот далекий вечер,
 Тебя, мой друг, твои мечты,
 Всю сладость нашей теплой встречи,
 Все то, что мне сказала ты.
 С тех пор прошло немало лет,
 А я как будто вновь родился,
 И честной жизни яркий свет
 Ко мне потоком устремился.
 Здесь радость я труда узнал,
 И жизнь по-новому понял,
 Здесь я рассеял заблужденье,
 Придя к такому убежденью.
 О! Как не прав я был тогда,
 Что честный труд все обходил,
 С которым в жизни навсегда
 Идти мне в ногу час пробил.
 И помня, что сказала ты,
 Я в полный рост к тебе шагаю.
 Пусть сбудутся твои мечты:
 Ты ждешь меня, я это знаю.

Строитель

Он мой сосед, он твой сосед,
 Он с нами завтрак делит.
 В быту смотреть — он прост, как все,
 Другое дело в деле.

Он в центре дел, горячих дел,
 Его везде найдете.
 И если ты в труде не смел,
 Придет помочь в работе.

В руке послушный молоток,
 Как ласточка взлетает,
 Не парень он, а кипяток,
 С энергией без края.

Работал он и там, и здесь,
 И мы увидим вскоре —
 Засветит солнцем наша ГЭС,
 Забьет волною море.

Твой рост

Где скрипели под ногами доски,
 (Хоть крепки леса, но все же шатки).
 Подставляя грудь под ветер хлесткий,
 Ты с бригадой вел бетона кладку.

Деловито фыркали машины,
 Топоры неистово стучали,
 Древних гор скалистые вершины
 Перед нашей силой отступали

Ты пришел сюда совсем недавно,
 Вспомни, как впервые с новичками,
 Ты смотрел на экскаватор славный,
 Что упорно грыз холодный камень.

Вспомни поначалу неудачи,
 В общежитии сумрачные споры...
 А теперь ты в гуще дел горячих
 Неустанно двигаешься в гору.

ФОТОГРАФИИ

Экскаватор

Стальные зубья неизменно
Грызут и камень, и песок,
Вот «МАЗ» подъехал постепенно
И в кузов — земляной поток.
Тросы, как струны, в натяжены,
Размерен каждый поворот.
У машиниста есть в движеньи
Свой ритм и страсть, и упоенье,
И слышно даже, будто пенье
В самой мелодии работ.
Была гора — и нет в помине,
Ну словно, кто ее слизнул!
Я вижу, экскаватор ныне
На место новое шагнул.

Первый оборот

Хранит спокойствие турбина,
Ничто не нарушает тишины,
Лишь где-то там, из глубины
Глухие всплески — то ревет плотина,
Реку степной бетонной запрудив.
В машинном зале легкий гул
То ротор, видимо, зевнул,
И вдруг прошел, про сон забыв,
Пошел быстрей! И вот он — первый оборот —
Рожденье новых киловатт!
Все злей гудящий водопад,
Сильней и яростней ревёт,
Но пусть беснуется река,
Тверда рабочая рука.
Плотина до того крепка,
Что может выстоять века!

На стройке

Вдаль и вширь разливается море,
А плотина растет и растет.
На строительном жарком просторе
Неустанно работа идет.
Посмотри, как с упорным трудом
Все строители наши роднятся,
Чтобы выполнить честно свой долг,
К завершению стройки стремятся.
Здесь единству и дружбе почет,
Каждый выполнить норму стремится,
И плотина растет и растет.
Как же этим, друзья, не гордиться!

Я за труд

Мы за труд!
Кто против?
Встать!
И прочь с дороги нашей.
Мы на работу
Пришли не спать,
И лень не нужна нам ваша.
Знаем:
Если спорится труд,
Мы к семьям быстрее вернемся,
Пусть берег скалистый
Высок и крут,
Но мы на него заберемся!
Пойдем же работать
Туда, где нужней,
Где больше пользы
Дадим Отечеству.
Что выше, прекраснее
Есть и сильней,
Чем труд на благо человечества!

А. ПУХОВ

У двух дорог

Он был сегодня не таким,
Каким он был всегда,
Как будто вдруг случилась с ним
Какая-то беда.
Из клуба молча выходил,
Задумчивый такой,
Хотя сюжет картины был
Веселый и простой.
В ней говорилось о любви,
Что к счастью привела,
О том, как с песней люди шли
На славные дела.
О тех, кто всем наперекор
Свое возносит «я»,
И как таким дают отпор
Хорошие друзья.
Как можно верить и любить,
Как коллектив суров
К тем, кто пытается
Прожить за счет чужих трудов.
А мой знакомый тоже был
Как раз под эту стать —
Он хулиганил, водку пил —
Об этом что скрывать!
Он вдруг со мной заговорил,
Задумчиво сказал:
— Те годы, что я раньше жил,
Я у себя украл...

Да, да, обворовал себя,
Ну, что ты смотришь так?
И мысль, наверно, у тебя:
Что, дескать, вот чудак?
Скажи-ка ты мне лучше, друг,
Смогу ли я теперь
Вернуться к честным людям в круг,
Иль мне закрыта дверь?
Но я молчать не мог,
(Он вновь, задумавшись, молчал).
Я понимал, что он стоит
На грани двух дорог.
— Одно могу сказать тебе, —
Ответ мой прям и прост, —
Что к счастью на чужой беде
Нельзя построить мост!
И сам себе ты, как чужой,
Плохи дела твои,
Ни крыши нет над головой,
Ни близких, ни семьи.
Ты скажешь: «В жизни не везло,
Никем ты не любим?»
А как, творя одно лишь зло,
Смотреть в глаза другим?!
Конец один, его сейчас
Легко предположить,
С нечистой совестью у нас
Ой, ой, как трудно жить.
И делай вывод навсегда:
«Гореть» или «дымить»?
Ведь ты не глуп, в твои года
Такой ли жизнью жить?
И крепким завяжи узлом
Все прошлые «дела»,
Чтобы жизнь твоя другим руслом
Бурливо потекла!
Знать жизнь с плохой лишь стороны, —
Не это нужно нам.
Мне эти стороны видны,
Я испытал их сам.
А в жизни много есть вещей,
Что нужно полюбить,
Как украшенье наших дней,
Они нам помогают жить.

Искусство, книг — всё дано!
Поэзии уклон,
В которую я сам давно,
Как в девушку, влюблен!
Я замолчал, а он смотрел,
В мои глаза в упор,
Сказав мне: «Здорово задел
Меня наш разговор!»
И залегли между бровей
Упрямо складки вдруг.
Он не потерян для людей,
Он бросит прежний круг!

На подъеме

Каждый раз, когда в семью бригады
Осторожно входит новичок,
Честь по чести мы ему, как надо,
Представляем скромный уголок.
А затем посыпятся вопросы:
Где рожден, женат иль холостой,
Кто-нибудь предложит папиросу
Закурить из пачки дорогой.
Потекут недели, как обычно,
В шумной жизни мирного труда.
Для него становится привычной
И веселой тесная среда.
Был у нас случай такой однажды.
К нам в бригаду симулянт проник.

— Мне не нужно ваших дел никчемных,
Я от них давно уже отвык! —
Он, смеясь, ответил бригадиру,
Натянув на челку козырек,
И глазами обстрелял квартиру,
Суждено где жить не малый срок.
Паренек заносчивый и гордый,
Не ходил работать много дней;
Много раз о трудовых рекордах
Слышал он в кругу своих людей.
Но в глаза не мог смотреть любому
От стыда, кто волей и трудом
Раньше срока пробивался к дому
Благородным и большим путем.
Приходя усталыми с работы,
Мы его старались избегать.
Новичок не мог кольцо бойкота
Никаким упорством разорвать.
Время шло. И список нарушений
В личном деле быстро возрастал.
За свое упорство, поведенье,
Он порой в душе переживал.

Жить всегда в презренье у бригады
Смысла нет — подумал он одно,
И решил трудиться так, как надо,
Чтобы смыть позорное пятно
А теперь вы спросите: ну что же,
Где его упрямый, легкий пыл?
Мы ответим: «Рекордист Сережа
Сам себя трудом освободил».

Нет, буду лучше я работать!

Когда по радио последний
О льготах список был прочтен,
Лентяй вздохнул тревожно-бледный,
Глубокой думой омрачен.
Он знал — ему не будет льгот.
Он уклонялся от работ.
Души болезненные раны
Теперь покоя не дают,
И перед ним, как на экране,
Проплыл его позорный путь.
Наркотики, вино, веселье,
Затем азартная игра
Всю ночь до самого утра
И тошнотворное похмелье.
То вместо премий и похвалы —
Неутешительный приказ:
Как был хмельным на самосвале,
В барак доставлен первый раз.
«За это все, — промолвил он, —
Сниженья срока я лишен.
Теперь, что делать мне: работать
Или по-прежнему опять
До тошноты, до страшной рвоты
Курить и водку выпивать?
А вдруг еще объявят льготы,
И в списки я не попаду.
Нет, лучше буду я работать.
А как ты думаешь? Пойду!».

Бригадир

(Рассказ в стихах)

I.

Наш бригадир вторую ночь
Никак не может превозмочь
Своей бессоницы. Глазами
Он измеряет потолок,
Где украшает уголок
Пред ним алеющее знамя.
Смахнув рукою одяло,
И принимаясь за труды,
Он из гранёного бокала
Подлил в чернильницу воды,
Склоняясь над тумбой головою,
Придинул общую тетрадь,
Вздохнул и твердою рукою
Начал размашисто писать.
Что беспокоило Сергея,
Какие мысли затая,
Он в этот час в душе лелеял,
Переложу стихами я.
...Весна и ранняя любовь,
Мечты и тихой жизнью грезы...
Тогда кипела в сердце кровь
И на глазах блестели слезы.
Склоняясь головкою на грудь,
Она шептала в этот вечер:
«Мой, милый друг, не позабудь,
Зачем мы разлучились вновь?
Храни любовь последней встречи».
Прошли года, остыла кровь,
Былой весны завяли розы
И на щеках, где были слезы,
Уже поблек румяный цвет,
Залег морщин заметный след.
Еще писал о том, как ровно
Пять лет тому уже назад
Три преступления уголовных
Он совершил в два дня подряд.

Бежал, сойдясь с преступным миром,
Был арестован, осужден.
И как на стройку прибыл он.
И стал почетным бригадиром.
Не буду всех его секретов,
Что он писал, передавать,
Задача скромная поэта —
Не осуждать и не скрывать
Его отжившие пороки.

На повороте недалеких,
В одной среде прошедших дней,
Что зреют в памяти моей,
Приехал к нам Сергей Потанин
На стройку ГЭС в тот самый год,
Когда работа в котловане
Имела полный разворот.
Кто жаждал выйти на свободу,
Кто срок стремился сократить,
Кто захотел дерзать, творить,
Полезным быть стране, народу, —
В труде нашел зародыш чести,
Своей профессии полет,
Себя почувствовал на месте,
Как верный делу патриот.
Но грудь Потанину давила
Мещанских пережитков сила,
Его еще манил назад
Разгульный воровской разврат.
Без дела путаясь по зоне,
Досытая «планом» захмелевая,
Потанин с карточным притоном,
В короткий срок наладил связь.
Но тут, однажды, он надзору
Попался с картами, хмельным,
И был снабжен очередным
Постановлением к приговору.
Боясь суровых наказаний
Своих общественных судей,
Решил скрываться в котловане
Среди бригад, среди людей,
Которые и днем, и ночью
Себя на стройке не порочат,
Полезным, доблестным трудом
Дорогу пробивают в дом.

Ходил с бригадой на работу,
Для счета делал выхода,
Глушил вино до страшной рвоты,
Живя без горя, без труда,
Горланил песни на разгуле,
Под сенью теплого угла:
«Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была...»
Бесед и лекций избегая.
Но в пьяном виде один раз,
В «котле» весной, в начале мая
Сорвал бригадный политчас.
Клубок позорных нарушений,
А с ним — взысканий и внушений,
Мотать по нитке не берусь, —
Они в душе наводят грусть.
Потанину в тот год сравнялось,
Припоминаю двадцать пять...
Высокий, стройный, белокурый
С голубизной лучистых глаз,
Он иногда казался хмурым,
Кто с ним встречался первый раз.
Когда в семействе жил на воле,
Не хуже всех учился в школе,
Имел пристрастие читать,
Чему обязывала мать.
Порой подумать на досуге
Потанин тоже был не прочь.
Любил заботиться о друге,
В необходимости помочь.
Бесцельно в споре горячиться
Он не любил, но был не трус,
Чтобы важным видом отличиться,
Носил усы и кличку «УС».
Шагал по жизни дерзко, смело,
Он наставленьям не внимал,
Но перед начполитотдела
Сергей растерянный стоял.
Начальник в форме капитана,
На вид был молод, но суров,
И как другие из кармана
Не извлекал потока слов.
— Я понял правильно, Потанин,
Что ты работать бы не прочь?
Но почему сегодня в бане

Вы в карты резались всю ночь?
Учи, что эти увлеченья
Тебе открыли ложный путь.
Давай совместно как-нибудь
Преодолеем заблужденье.
Скажи мне, правды не тая,
Чем быть могу полезным я?
Желанье есть учиться в школе?
Тебе возможность эту дам.
Ты смел и молод, сила воли...;
Что говорить? Подумай сам!
Найди себе такого друга,
Чтоб мог делить нужду с тобой,
И в нашем клубе на досуге
Займись работой кружковой!
Сложив бумаги, на Сергея
Взглянул пытливо капитан.
А тот смотрел, как бы в туман,
От пола оторвать не смея
Своих больших открытых глаз.
Как угорелый, в этот раз.
— Открылись курсы. Разве плохо
Квалификацию нажить?
Перед тобой лежит дорога
Досрочно в отчем доме быть.
Забитый клин, ты можешь клином
Из сердца выбить навсегда, —
Добавил он. Сергей невольно
Тряхнул колечками волос,
Не торопясь, с душевной болью
В груди, негромко произнес:
— Последний раз даю вам слово
Перед народом оправдать
И честь, и долг, и не стоять,
Как на костре, пред вами снова.
Мои заслуги будет знать
Народ и местная печать.

II.

Захлопнув двери кабинета,
Смахнув платком холодный пот,
Сергей пошел навстречу ветра
В барак с мечтой иных забот.
«Начальник высказал немного,
Но справедливо, — думал он. —
Я вместо правильной дороги
Шагаю слепо под уклон.
Уходят годы. Срок немалый.
Тоскливо без зачетных дней.
Когда веселое начало,
Конец заведомо — скучней.
Наверно мать и дни, и ночи
Немало проливает слез.
Прислала, говорят, запрос,
В котором умоляет очень
Сказать всю правду обо мне.
Что я отвечу ей в письме?
Нет, нет! Покончить сразу надо
Со всем, что может помешать,
И на пути стоит преградой, —
Живой обнять старушку-мать.
Начну трудиться плодотворно,
(Валяй, Потанин, в добрый час!).
Администрация, бессспорно,
Характеристику мне даст.
Затем пошлю помилованье,
А может быть...». Но тут почти
Забыть сладкого мечтанья
Он оборвал на полпути.
В бараке люди были в сборе,
И занимались кто чем мог:
Кто ел, кто пел, кто с кем-то спорил,
Кто отдыхать уже прилег.
Болельщики, под стол ныряя,
Играли шумно в домино,
Кто растворив свое окно —
Луне навстречу — измеряя
Прохладой глубину груди,
Блуждал глазами впереди.
На берегу реки широкой
Трудились тысячи людей.
И жарким днем, и ночью темной
При свете множества огней,

Кипела жизнь. Копры со свистом,
Пыхтя, сажали в грунт шпунты.
А кабель-краном голосистым,
Со стометровой высоты
Спускались вниз большие грузы:
Перевозились в тот конец,
Через площадку нижних шлюзов
Металл конструкций, круглый лес.
На эстакаду мотовозы
Возили бадьями бетон,
Где опускался в блоки он
По виброхоботам и трубам,
Дрожали гулко земснаряды,
Копая глубже котлован,
Электросварщиков бригады
Огнями брызгали в туман.
Кругом, где лишь доступно взору,
На всей площадке плотины,
Шумели мощные моторы.
Со всех концов родной страны
Большие грузы прибывали
На пароходах, поездах.
И звон, и лязг, и скрежет стали,
И агрегатов ровный шаг.
Служили воле человека...
Страна не знала в нашем веке
Таких строительных работ.
Трудясь два месяца в бригаде,
Всесчасно помня свой зарок,
Потанин выполнял наряды
По расписанью, точно в срок.
Учился в школе вечерами,
Прослыл как лучший шахматист,
К тому же, говоря меж нами,
И на досуге был речист.
Бывало, отдохнуть как ляжет,
Чего-нибудь, да «завернет».
Желаешь слушать? он расскажет
Смешной и колкий анекдот.
За ним сообща мы наблюдали,
Держа в сомнении вопрос,
Что парень с самого начала
За дело принял всерьез?
Но согласились позже с ним,

Как стал работать звеньевым.
Звено бетонщиков, которым
Руководил тогда Сергей,
В передовые вышло скоро,
Каких-нибудь за двадцать дней.
Трудясь, за смену по две нормы
Оно давало — не секрет.
Среди бетонщиков, бесспорно,
Возрос его авторитет.
Когда на соцсоревнованье
Другие вызвали звено,
На это верное призванье
Тотчас откликнулось оно.
Гордясь работой плодотворной,
Решив за дело постоять,
Оно добилось двести пять
Процентов выработки нормы.
И прочитало в этот раз
О благодарности приказ.

III.

С тех пор прошло почти полгода,
Как в день октябрьских побед,
Сергея на Доске почета
Друзья увидели портрет.
На нем, повыше грани красной,
Чтоб знали, кто он — командир,
Стояла подпись тушью ясной:
«Сергей Потанин — бригадир».
Уж оставалось время мало
Гогда до паводковых дней,
Зода заметно прибывала,
И становился лед синей.
Весна-красавица звенела
Ручьями быстрыми полей,
В сияньи солнечных лучей
Земля сырая паром млела.
Бежали считанные дни
В труде до пуска плотины.
Мы все желания горели
У всех была мечта, как сон,
Чтоб уложить за две недели
На плотину больше, больше тонн
Высокосортного бетона.
— Бетона больше дайте мне! —

Кричал прораб у телефона,
Читая схему на стене.
Звонил начальник из района.
Лиспетчера ругая, он
Кричал: — Не довезли бетон
Сегодня в смену двести тонн!
— Бетон! — твердили бригадиры,
— Бетона! — повторяли мы...
На всей площадке плотины,
От сердца стройки до квартиры
Мы это слово каждый час
Произносили сотни раз.
На эстакаде и рисберме —
Живой энтузиазм людей.
Вертелись стропы, ставя фермы,
Как шеи стройных лебедей,
Сгибая стрелы, горделиво,
Спускали вниз тяжелый груз.
У мотовоза суетливо
Наш бригадир Потанин-«УС»
Рукой мозолистой махая
Перед строителем, в лицо
Кричал: «Минута дорогая!
Ты ж оказался подлецом.
Ушел с работы самовольно!
Ты вздумал нашу честь марать!
В лице строителей, довольно
Авторитет наш подрывать!
Бери вибратор в руки смело
И принимайся враз за дело!».
Не зная усталы, Потанин
Позабывал и перерыв
Все дни метался между нами:
Где неполадки иль прорыв —
Бежал туда. Следил за ходом
Заделки блоков и бычков.
Делился опытом с народом
И восклицая: Будь здоров!
Держал в другое направленье.
Прораба встретив на пути,
Серьезно слушал разъясненья:
Как лучше к делу подойти,

Как ликвидировать прорывы,
Или ускорить фронт работ
На нижнем бьефе водослива
И все записывал в блокнот...
Вот так и жил Сергей Потанин
Не день, не два, а много дней.
И верил он, что день настанет
Чудеснее и радостнее всех дней..

* * *

И он настал, и все мы рады
Тому, что много дней назад, —
Когда-то отстающая бригада
Вошла в передовой отряд.

В. ТЮЛЮКИНСКИЙ

Я СТАЛ ДРУГИМ

...А в минуту с тобой расставанья
Ты шепнула застенчиво мне:
— Хоть и долгими будут скитанья,
Но они-то загладят вполне
Твой проступок — вину перед Родиной
И потерю утраченных дней...
И глаза, цвета черной смородины,
У тебя засияли сильней.
А затем... застучали колесами,
Убегая вагоны вперед...
Я на стройке сдружился с откосами,
Где бульдозер две пермы дает,
Где больших агрегатов движение,
Где общественной жизни поток,
Где утроенным темпом сражения
Сокращается длительный срок.
Где и школа, и курсы доступные,
И всегда дорогое — мечты...
Эти строки никем не подкупные
Я хочу, чтоб запомнила ты.
Мы, строители, стали богатыми,
Специальностей пара со мной.
Жди, приеду к тебе — с аттестатами,
Полный зрелости — скоро домой,

Мы будем честно жить

Нельзя нам выразить, друзья,
Большую радость без волненья,
Ведь завтра в разные края
Поедем мы к родным и семьям.
На новостройки, целину,
На шахты, фабрики, заводы.
Туда, где братские народы
Уже прославили страну.
Страницы жизни трудовой
Окружим славою народной.
И будем жить в семье родной
Степенно, честно, благородно.
Вздымает радость мою грудь,
Пишу спасибо в этих строчках
Любимой партии за путь,
Открытый к дому нам досрочно.

Клятва при свидании

Сегодня я, родимая, горжусь.
И сердцем рад желанной нашей встрече.
Старушка-мать, пусть в этот летний вечер
В твоей душе уснет тоска и грусть!
Мы проведем беседы час вдвоем,
Она для нас — совместная отрада.
Стареешь ты. Под солнечным лучом
Блестят волос серебряные пряди.
Тебе я много горя причинил
Своим поступком низким, недостойным.
Теперь в труде я не жалею сил
И будь, родная, за меня спокойна!
Клянусь сыновней честью и трудом,
Что буду я примерным в дисциплине,
И льгот добьюсь, и примешь в отчий дом
В былые дни потерянного сына.
Домой приедешь: передай привет
Девчонке, помнишь, той, голубоглазой?
Скажи ей: скоро, скоро будет праздник
Такой, что был в начале юных лет.

Погожей осенью

День за днем становится короче,
Холоднее утренний рассвет,
Воздух чист, упруг и звонок ночью
Скучный сад совсем, совсем раздет.
Б ярком дне тебе плывет навстречу
Паутины золотая нить,
Желтый лист, задев несмело плечи,
Шелестя, к сырой земле летит.
Высота — прозрачно голубая.
Мчится птиц последних караван,
Вдалеке синеет грядь лесная,
Над рекой ползет седой туман.
На большом дорожном перегоне,
Позади знамен из кумача,
Много сот машин зерном груженых
На ссыпные пункты вихрем мчат.
Может быть последнюю неделю
Бороздят суда речную гладь.
И, прощаясь с водной колыбелью,
Рыбаки уходят отдыхать.

ХОРОШЕЕТ ЛЮБИМЫЙ МОЙ КРАЙ

Я горжусь, что любимый мой край
Год от года становится краше.
Жизнь людей, словно солнечный май,
Расцветает в республиках наших.
Там и здесь новостроек леса,
Нефтепромыслы, шахты, заводы...
Магазинов, домов корпуса,
Что грибов после влажной погоды.
Там, где мертвей лежала земля,
Где одни сорняки прорастали,
Черным паром взметнулись поля,
Переливом хлебов заигралы.
И пшеницы обильный поток
С Казахстана, Сибири, Алтая
В закрома государства потек,
До отказа зерном наполняя.
В ясной дали я радость свою
Вижу в том, что дорогой широкой
Мы идем в миллионном строю
К коммунизму, а он недалеко!

Ты искупил свою вину

Ты, конечно, помнишь день унылый,
Мать в испуге и ее глаза,
Сколько горя в них, страданья было,
На ресницах дрогнула слеза?
И тебе, наверно, день позора
Не забыть при жизни никогда.
Час, когда за горьким приговором
В зал вошел народного суда.
...Годы шли. Летели дни за днями,
Поняв свой проступок до конца,
Ты своими славными делами
Зажигал строителей сердца.
И сейчас ты с гордостью и прямо
Можешь смело каждому сказать:
—Смыл пятно, и пусть гордится мама,
Не пойду я больше воровать!
Нынче мы расстанемся с тобою,
Ты уедешь радостный домой,
И с хорошей славой трудовою,
Возвратишься к матери родной.

Песня

Передать все стремления наши
Отправляется песня в полет.
От заводов, от строек и пашен
Свой разбег она гордо берет.
И летит быстрокрылой ракетой
Неустанно и ночью, и днем
Над любимой страной Советов,
Где мы мирное счастье куем.

Всю ночь бушевала метель,
Всю ночь в проводах завывала,
Стонала, как раненый зверь,
И вдруг на мгновенье стихала.
На дно котлована упал,
В грунт врезался ковш многотонный,
Минута — и вновь самосвал
Загружен. Гудящей колонной
Машины одна за другой
Груженные грунтом спешат,
Чтоб смена была боевой,
Чтоб час до предела был сжат.
И всюду — куда ни взгляни:
В работе всю ночь механизмы,
И светят в любой час огни
Грядущей, стремительной жизни.
И ветер с морозом, пурга —
Помеха ль народному рвению!
На снежных речных берегах
Ведется большое сраженье.

Желаем вам счастья, друзья!

Кремлевских курантов удары
Над Родиной полночь несет.
Уходит, прощаясь, год старый
И новый на вахту встает.
Кто год этот прожил не зря,
И вам чей задор не истрачен,
Желаем вам новой удачи!
Желаем вам счастья, друзья!
Вы честно трудились весь год,
Вам слава досталась недаром.
Шли твердым, уверенным шагом,
И смело смотрели вперед.
Трудились от зноя не прячась,
И вас осеняла заря,
Желаем вам новой удачи!
Желаем вам счастья, друзья!
Товарищи наши окончили школу,
На труд с аттестатом идут,
И с песней, и с шуткой веселой
Машины умело ведут.
И мы свою радость не пряча,
Восторгов своих не тая,
Желаем вам новой удачи,
Желаем Вам счастья, друзья!
Желаем вам честно трудиться,
Трудом искупить всю вину
И в новом году возвратиться
В свою
дорогую
семью!

ДНЕВАЛЬНЫЙ ПО ШКОЛЕ

Мы дружно школу посещаем,
Чтоб курс науки изучить.
Нам государство помогает
Ошибки наши искупить.
И вот тебе идут зачеты
(Хоть и за скромные труды),
Но в школе мы не видим что-то
Ни чистоты и ни воды.
В тепле сидишь, не землю пашешь,
Так будь любезен, чтоб всегда,
Уютно было в школе нашей,
В бачке всегда была б вода
Чтоб не было ничто забыто:
Расставлены в ряды столы,
В класс двери вовремя открыты,
И чисто вымыты полы.
Твою работу мы оценим,
Стараться будем не сорить,
И покурить на перемене
Во двор все будем выходить.

СЕМЕЙНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Мне тридцать три, а старшему сынишке
Исполнилось всего лишь девять лет,
Но оба мы имеем страсть до книжки,
(Хотим познать науки сложный свет).
Он во втором, а я в десятом классе
Ее азы с усердием «грызэм»,
Считаем оба за большое счастье
Познать как можно больше обо всем.
Чтоб не было в учебе отставанья,
Чтобы себя ни в чем не посрамить,
Мы заключили с ним соревнованье:
Отлично год учебный завершить.
И вот, теперь он каждую неделю
Желает про мои оценки знать.
А я ему, признаться, и не смею
По-честному всю правду рассказать.

Отличник он, а мне далеко очень
Иметь по всем предметам по-пяти,
Но это не мешает, между прочим,
И мне в число отличников войти.
Вот скоро в школе подведут итоги.
Мне пишет сын: «Мой дорогой отец!
За эти дни ты подтянись немножко,
Ведь близок первой четверти конец!».
Учтя совет безусого мальчишки,
Остатки лени прогоняю прочь.
С сегодняшнего дня сажусь за книжки,
Учу их кропотливо день и ночь.

Девушка в косынке голубой

Я стою. У ног моих играет
Моря шаловливого прибой,
Здесь я очень часто вспоминаю
Девушку в косынке голубой.

Здесь тепло она мне улыбнулась,
И сейчас я вижу пред собой,
Как тогда береза встрепенулась
Над ее косынкой голубой.

Хоть с тех пор не видел, не встречал ее,
Верю, что услышит голос мой,
И вернет мне сердце унесенное
Девушка в косынке голубой.

Слово к любимой

За окном выюга зимняя злится,
Все дороги она замела.
Уже полночь, а мне все же спится:
Как мне жизнь без тебя тяжела!
Ты, наверное, тоже скучаешь,
В тишине ловишь шорох ночной
И о встрече со мною мечтаешь,
Ождаешь досрочно домой?
Не скучай! Я надеюсь и знаю —
Честный труд меня к дому ведет,
Скоро встретимся мы, дорогая,
Я иду неустанно вперед.

Указка

Прут тополя стройный у речки приметя,
Указку узорную вырезал Петя,
А утром учителю тоненький прут
На карте указывал Волги маршрут,
Крутых поворотов проделав немало,
Под зданьями ГЭС и по шлюзам каналов.
Все в быль превращала простая указка —
Мечты вековые народа и сказки.
Скользит и порхает уверенно прутик,
Здесь Волга турбины сверхмощные крутят,
А здесь вместо стражня — огромный затон,
Одетый в железо, гранит и бетон.
Свернул по течению резко направо
К шестнадцати шлюзам, овеянным славой.
По Дону все ниже в Азовское море
И вдруг... очутился совсем на просторе.
Конечным маршрутом калининский тополь
Избрал русский город-герой Севастополь.
Учитель заметил: — когда ж это стало,
Чтоб Волга в Азовское море впадала?
Ответил учителю школьник исправный,
Что в сказках давно, а на деле — недавно!

НОВОГОДНИЕ ЧАСТУШКИ

В телеграммах, в сводках, в письмах,
Отмечает наш народ:
Старый год по акту списан,
Наступает Новый год!

На ресницах снег не тает,
Хоть дела кипят в руках,
Днем и ночью не стихает
Песнь труда на берегах.

Шлет машины и турбины
Нам страна со всех сторон,
Раскрасавица-плотина
Принаряжена в бетон.

Рапортую, мы сегодня
Светлой гордостью полны:
Наш подарок новогодний—
Гидроузел для страны!

Да и как нам не гордиться,
Знаменуя новый год!
К сердцу Родины, к столице
Ток промышленный идет.

Степь была, а нынче город
В этом месте в землю врос,
Рот раскрыв, забыв про холод,
Дался диву Дед Мороз.

Кто в труде не прохладился,
С тем веселье дружится.
С нами в новогоднем вальсе
В такт турбины кружатся,

Ели в темном спят уборе,
В небе звезд не сосчитать...,
Запевай — я буду вторить,
А турбины подпевать.

Иванов с декабрьским планом
Так от всех других отстал,
Что, представьте, Дед Мороза
По спине мороз продрал!

Бригадир другой бригады
Надавал горячих слов,
А работу заморозил
До начала холодов.

Жизнь шагает полным ходом,
Стройка движется вперед.
С новым счастьем!
С Новым годом!
Здравствуй, здравствуй, Новый год!

Есть такие бригадиры

(Рассказ производственника)

Нелегко быть бригадиром
Или, скажем, звеньевым,
Постоящим командиром,
Энергичным, боевым.
Честь большая жить на стройке
И приятно сознавать,
Что ты парень смелый, стойкий,
По три нормы стал давать.
Да не только ты — бригада,
Что в труде с тобой идет.
Это лучшая награда,
Это слава и почет.
Впрочем, знаете вы сами,
Здесь не нужно говорить,
Как мы боремся за знамя,
Как хотим дерзать, творить.
Но сейчас я не об этом
Вам, друзья, хочу сказать.
Случай был однажды летом.
— А какой? Хотите знать?
Расскажу все по порядку,
Не тая и без прикрас.
По рабочей разнарядке
Показать в работе класс
К нам в бригаду верхолазов
Прибыл новый бригадир.
Он за дело взялся сразу.
Видим — парень командир.
Тут поможет, там подскажет,
Здесь кого-нибудь бодрит,
С ним без время спать не ляжешь,

Он тебя развеселит.
Не нарадуемся, глядя,
Мы на парня своего,
Ай, да парень! — умный дядя,
Ну, не скажешь ничего!
Побежали дци нормально.
Бригадир наш вел себя
Даже больше, чем похвально,
Звал на подвиги ребят.
Но недолго шло все гладко,
Скоро парень наш остыл,
Он забыл о всех порядках,
И о совести забыл.
От былого обхожденья
Не оставил и следа.
Что ни день, то приключенья,
Что ни сутки, то беда.
То напьется, ходит пьяным,
То вдруг в карты стал играть
И отменим грубияном
Мы его все стали знать.
Кое-как пробились месяц,
Вот получка подошла,
Бригадир, как ясный месяц,
Ходит около стола.
Получили мы получку,
Он зовет меня — «иди,
Ну-ка, друг, пожми мне ручку».
И так ласково глядит.
Я не понял, что за шутка,
Говорю — зачем пожать?
Он тогда: «Э..., братец, ну-ка,
Долг ты должен мне отдать».
— Должен я? Не помню что-то...
Разве брал когда у вас?

— Ты не брал? Болтать охота!
Разве платишь первый раз?
— Это что же! Жать вам руку...
(Понял кажется я все).
Вот она какая штука,
Взялка значит! И еще,
Я же должен жать «вам ручку»,
От души благодарить,
Что берешь мою получку,
Ну, дружок, тому не быть!

Бот каким он оказался
Этот парень «деловой»,
Почему он притворялся,
Что он думал головой?...
Так закончил путь короткий
Проходимец, бюрократ.
Вот такие «самородки»
Еще мучают ребят.
Посмотрите-ка построже,
Может он сейчас у вас
Притаился. Все он может,
Только ждет удобный час.

Ю. ГОНОБОЛЕВ

Таков ли друг?

О дружбе мнимой, быстротечной,
О дружбе крепкой и сердечной,
Про тех, живет кто среди нас,
Поговорим в досужий час.
Он—бригадир на производстве
И беспристрастен в руководстве.
Свой план всегда кончает в срок,
Зажечь умеет огонек
Среди трудящихся ребят.
Но... тут мешает это «но» —
Калечит паренька вино.
Как только на руки получка —
У бригадира есть земляк,
И пристает он, как колючка:
«Сообразим! Дай четвертак!».
И понеслась... пока карманы
Опорожняются дочиста.
Сказать попробуй-ка: «Вы пьяны!» —
Кулак приложит на уста.
Такой вот друг не подходящий.
И нет здесь дружбы настоящей.

Дятел и сорока

(Басня)

Известно всем, что дятел любит труд,
К работе с детства он привычен.
К тому же он культурен, симпатичен,
К нему невесты так и льнут!
Но всех сильней, как говорят, «жестоко»
Им очарована была сорока.
И вот среди друзей пернатых
Наш дятел стал в числе женатых.
Однажды летом, поутру,
Долбил усердно он кору,
Жена с подругою своей
К нему на стройку заявилаась.

И ну болтать про снегирей,
«У них ведь дочка народилась!»
«А у синицы — вот беда!
Наверно, от испуга
Детей не будет никогда!»
Хихикнула подруга.
«Ха-ха, чего таить греха,
Вот мужа отхватила!»
Подружку подтолкнув слегка,
Сорока забубнила.
А дятлу эта болтовня
Настолько надоела,
Что он взмолился: «Ведь меня
Вы отрываете от дела!
Смотрю на вас — о горе, слезы —
Семян нарвали б хоть с березы!»
Жена ответила за всех:
«Сегодня пост, работать грех!»
Но дятел слушать их не стал
Со стройки всех подряд прогнал.

* * *
Быть может некоторым впрок
Пойдет мораль насчет сорок.
Но такова моя мораль,
Что дятла бедного мне жаль.

За учебу, за знанья, друзья!

Все, что в сердце хранил и берег,
Я сегодня с открытой душой
Говорю; ошибаться я мог,
Но расстаться не в силах с тобой.
Да, с тобою источник ума,
(Я серьезен, шутить не досуг),
Ты бесспорная правда сама,
Знанье — знамя и символ наук.
За учебу, за знанья, друзья!
Пусть преграды в пути не страшат,
Возвращаться обратно нельзя:
Лишь вперед и ни шагу назад!

Д. АБРАМОВ

Вроде басни

Однажды гражданин, и между прочим,
Нельзя сравнять его с чернорабочим,
На парикмахера он тоже не похож,
И что ж?
В киоске бритву он купил...
Завода ленинградского попала,
Как зеркало сияла.
Он каждый раз ее хвалил,
Как только брился.
И даже сам себе дивился:
— Вот это бритва! Это да!
Уж вот полгода не точу я,
А бреет прямо, хоть куда,
Но наконец-то бритва затупилась:
Жало у нее заворотилось.
И бритва та не стала брить.
— Но как же быть?
— Придется поточить, —
Промолвил он. Берет наждак,
И ну сплеча ей жало драить.
А на ремне и оселке решил не править.
— Возьмет и так!

И превратил себя лентяй в вельможу.
Перед трюмо, на стул дубовый сел,
Намылил мылом свою рожу
И бритвою проворно завертел.
Коснулся ею — рвет с корнями,
Закрыл глаза, скрививши рот,
Задергал, морщась, он усами,

И запыхтел стуча зубами.
А бритва, как пила идет,
Которой сделали развол
Да неумелыми руками.
Открыл глаза, и видит, что ж?
Уже на чорта стал похож:
Везде видны дорожки слез,
На бороде торчат клочки волос,
Под бородой на ране рана
И кровь течет, как из барака.
И уж как начал он ворчать!
И уж как начал он бурчать,
Завод ругать:
— Плохая сталь! И качество плохое!
За что же деньги отдавать?
За то чтоб рожу драть?
Да что же за изделие такое?
Негодное оно!
И бритву... выбросил в окно.

* * *

В то время шел рабочий в телогрейке.
Видит, бритва! Поднял говоря:
— Хотя она и стоит-то копейки,
Но на заводе делалась не зря!

Медведь-лентяй

(Басня)

Медведь судом наказан был,
Над ним, вдруг, правосудье учинили:
За то, что хулиганил и грубил,
Его от общества на время удалили.
Ошибся Мишка — не беда!
Ему дана возможность исправленья.
Трудись честно и тогда
Придет быстрей пора освобожденья.
Но наш медведь работать не любил,
Ленив он был друзьям на удивленье.
И день, и ночь в лесу баклушки бил,
Сражался в карты, водку пил
Не думая и смыть пятна.
А дома вся семья его ждала,
Мать горько слезы проливала,
Она ему полжизни отдала,
Ростила, от беды оберегала.
Вдруг Мишка слышит — есть приказ:
Пустить домой, кто потрудился

честно.

Взревел Медведь, забегал враз,
Но что же ждет его — известно!
Вина не пил и не был

наркоман...»

Орет лентяй: «Да это же обман,
Ведь я трудился, рук не покладая!
Но не помогут жалобы лентяю.

* * *

Коль хочешь раньше ты
освободиться,
Иди учиться и трудиться!

О Петухе молва идет,
Что он — особенная птица,
Он лучше всех всегда поет
И всюду может отличиться.
Он всем хвалил свои дела,
Он всем рассказывал бывало:
«Во мне есть что-то от орла,
У нас в роду Орлы бывали».

У кур случилась раз беда:
Дворец куриный загорелся.
«Где наш Петух? Сюда! Сюда!
Кричали все. — Куда он делся?».
Пока искали Петуха,
Курятник в пепел превратился.
Петух же наш, боясь греха,
В кусты подальше склонился.
Из басни выводы просты:
Иной себя Орлом считает,
Но только трудность повстречает, —
Как наш петух, — быстрей в кусты.

Шакал и овцы

(басня)

Один Шакал попал в овечье стадо
И на вопросы старшего Барана
Он клялся честью своего отца,
Что все увидят поздно или рано,
Что он такая же смиренная овца.
Шакал был принят в общество овец,
Я думаю, слов лишних говорить не надо—
Как полноправный член артели.
Хоть овцы и не очень-то хотели
Иметь в своей среде их старого врага,
Но возразить Барану не посмели,
Боясь на том свернуть себе рога.
Фешили присмотреться наперед,
Как поведет себя их новый брат:
Коль смирным будет — пусть живет,
А если нет, так подвести к порогу.
И указать ему на старую дорогу,
И из отары вышвырнуть назад.
Но не затем явился к ним Шакал,
Чтоб показать себя в ненужном свете,
Больших Баранов он повадки знал
И здесь решил воспользоваться этим.
Наговорил Барану комплиментов:
Пообещал на сто двадцать процентов
Задание регулярно выполнять.
Заверил всех, что с всякою работой
Он справится с любовью и охотой.
Уверился Баран, послушав разговоры
Хвастливого Шакала и решил:
«Определить его немедля в «баландерь»,
Чтобы борщ и кашу вовремя варил!».
И вот, Шакал, встав во главе питацья,
Приложив максимум уменья и старанья,
Начальству начал угождать во всем:
(Умел он это делать со сноровкой!).
То свежим угостит его «сенцом»,

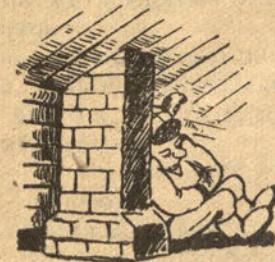
Заранее приправив пол-литровкой,
То сверточек вместительный подмышку
Подсунет, как подарочек детишкам..
Ну словом, не отказывал ни в чем.
Войдя в доверье глупого Барана, Шакал
С звериною ухваткой действовать начал.
И подлетела клочьями шерсть у овечек:
У той не стало на спине колечек,
У той копыта треснуты, у той..
Стал исчезать весь суточный удаи.
...Так начало хиреть овчье стадо
И может быть нахальному хапуге
Пришлось бы посмеяться на досуге
Над простотой овечьей... Только Слон,
Прослышав про дела овечьи,
Предпринял меры «человечьи» —
Вора и плуга выгнал с кухни вон!
Морали смысл я вывожу таков:
Еще довольно много простаков
Проходит мимо грязных пошлых дел,
Людишек тех, кто не трудом, а ложью
Бину свою стремятся искупить.

ТОНЕЧКИН

Только солнце скроется за подразделением,
Тонечкин на коечке спит с «особым рвением».
Солнце встанет поутру — Тонечкин скрывается.
Свет ему не по нутру — на чердак взбирается.
За трубою теплою спит, как мышь летучая,
А к начальству вызовут, плачет: «Брюхо мучает».
Месяц на исходе вот, он словами давится:
«Где зарплата? Где зачет? Мне ведь полагается».

* * *

Тонечкиных юмором и сатиры вилами
С чердаков повытрясем мы своими силами.

Лев и заяц

(Басня)

В пивную заскочив после
получки,
Зайчишка захмелел.
А захмелев,
Он разные выкидывать стал
штучки.
Откуда ни возьмись —
начальствующий Лев.
И тут бы Льву, как в басне
Михалкова,
Схватить за шиворот
Косого.
Но Лев тот нрава был иного,
Он стал мораль читать:
— Ай-Ай!
Ты что же налился,
разгильдяй,
И веселившись... в одиночку?
Потом, облокотясь на бочку,
Добавил:
— Неприлично, право!
И подмигнул лукаво.
Намек поняв, Косой
вскочил ретиво:
— Ну факт — пить в
одиночку не годится!
Да, я... да мы...
Эй, курица, четыре
кружки пива!

Лев Африканович,
извольте угоститься!
Я пир горой сегодня закачу.
Ну, не стесняйтесь, — я плачу!
Итак: за ваших Львят,
за вашу Львицу!
И час спустя средь разных
прочных пьяниц.
Начальник Лев и
подчиненный Заяц,
Обнявшись, как
влюбленных пары,
Поют на весь питейный дом:
«Эх, соколовская гитара...»
(Лев — басом, Заяц —
тенорком).
В чаду спиртного лиха
Наш Лев,
Не меньше Зайца окосев,
Пьет за Зайчат и
за Зайчиху.
А Заяц, под конец,
дыша едва,
Повис на гриве Льва
И лишь пищит три слова;
— Ах... м...милый...Лева...

* * *

Здесь нет нужды в морали:
О Зайцах во хмеле
наверняка слыхали?
А не слыхали ль Вы,
Что Зайцев к пьянству
поощряют
И вместе с ними во хмело
бывают
Львы?

У нас буфетчик...

У нас буфетчик есть в столовой
На вид смышленный и толковый,
Как будто парень ничего,
Да только губит брань его.
Идут спокойно люди в двери,
А он кричит: «Потише, звери!».
Он может вспомнить всех чертей
Без всяких объяснений.
И честных обругать людей
С азартом, без стеснений.
Богат резерв похабных слов
(И это в самом деле).
Бывает, правда, он таков
Всего... семь раз в неделе.